

ЛАУРЕАТ EUROCON-2015

ВИКТОР
КОЛЮЖНЯК

ЭЛЬ ПУНТО

МАНИЙ
СЛОВ
МИФ

Бойтесь своих снов.
Они не то, чем кажутся.

Сломанный миф

Виктор Колюжняк

Эль Пунто

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1312.9
ББК 84(2Рос=Рус)644

Колюжняк В. В.

Эль Пунто / В. В. Колюжняк — «Эксмо», 2019 — (Сломанный миф)

Мудрецы утверждают: сон – это маленькая смерть. Кристина слышала об этом, но не придавала значения. Жила, как ей нравилось, и делала, что хотела. Но однажды наступил переломный момент – две странные девочки и таинственный город Эль Пунто явились ей во снах и не желали уходить оттуда. Пытаясь их прогнать, Кристина вступила на скользкую дорожку из предположений, тайн и неслучайных совпадений, обрушившихся со всех сторон. И с каждым прожитым днем и увиденным сном Кристине все чаще кажется, что в словах мудрецов скрыто зерно истины...

УДК 821.161.1312.9
ББК 84(2Рос=Рус)644

© Колюжняк В. В., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Март	6
Трудоголик и работа	6
Книги и анкеты	9
Рука бога и сестра ангелов	12
Имена и люди	18
Привычки и лёгкость бытия	20
Апрель	21
Мадам Вельгорская	21
Быть сильной	23
Найти себя	34
Люди вокруг	36
Май	38
Столкновение с реальным	38
Образ из ниоткуда	42
Жизнь в других	44
Смысл из бессмысленного	49
Иллюзия в случайном	51
Июнь	53
Радость	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Виктор Колюжняк

Эль Пунто

© Колюжняк В., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Март

Трудоголик и работа

Если по порядку, то первой случилась работа.

Чайная лавка, где я весело и непринуждённо проводила время, отмеряя матэ, пуэр или какой-нибудь – возможно, и вправду молочный – улун, приказала долго жить. Последняя зарплата исчезла вместе с хозяйкой и моим палантином, который спасал от сквозняков торговых центров. Радость в том оказалась ровно одна – официально я там не работала, так что мороки с документами не предвиделось. Два с половиной дня, потраченных на попытки выяснить, что же всё-таки случилось, результата не принесли. Я смирилась и села за подсчёт резервов.

Заработки фотосъёмками – это плюс, но они нестабильны. Увы и ах, но не удалось пока наработать такое имя, чтобы жить только на них. Студия под самой крышей, почти мансарда, это неплохо, но сокровище грозило превратиться в ярмо с ежемесячной оплатой. Ну, и была в запасе некоторая часть сбережений, которые я упорно мечтала потратить на путешествие в Австралию, а жизнь считала своим долгом использовать на что-нибудь другое.

Попытки свести дебет с кредитом и подсчитать, сколько же месяцев я протяну без работы, прервал телефонный звонок.

Люди, у которых есть мой номер, делятся на два типа – первых я хорошо знаю, а вторых когда-то фотографировала. В последнем случае я стираю имя контакта сразу после выполнения заказа, чтобы ненароком не вообразить, что этот человек мне знаком. Говоря математически, отношения заказчика и исполнителя – это две функции, которые взаимодействуют и пересекаются на одном отрезке, а после отправляются каждый своей дорогой. Кто в первую четверть оси координат, кто во вторую, но каждый стремится в бесконечность. Иной раз, правда, они могут часто пересекаться по каким-то периодам, войти в резонанс и породить нечто похожее на привязанность или дружбу. Но с первого раза такого не происходит. Увидеть человека по ту сторону объектива сложнее, чем кажется.

Номер в телефоне оказался незнаком, но звонивший сразу представился, в очередной раз подтверждая мою теорию:

– Здравствуйте. Это Иван Александрович. Вы у нас корпоратив снимали когда-то.

И тут же пауза. Давай вспоминай, мол. Не так-то и сложно ведь. Даже подсказку дали – «когда-то»!

– Ещё один хотите? – спросила, удержав сарказм на привязи.

– Нет. То есть как бы да, но как бы нет. Хотим, чтобы вы у нас постоянно работали.

– У вас часто корпоративы?

– У нас часто съёмки, – он чуть вздохнул. – Текучка большая. Нужен фотограф на пропуск. Ну, и так ещё. Для разного.

Сказать, что я удивилась, погрешить против истины. Просто оторопела. Хорошо хоть, привычка уже сформировалась – уточнить тип съёмки, даты, время, сумму и так далее.

– Это фулл-тайм? То есть в офис приходить и с девяти до шести сидеть?

– С десяти до семи. Да. В офис.

– Послушайте! – До меня начал доходить абсурд ситуации, и я предприняла попытку донести эту мысль до собеседника. – Я ведь свадьбы снимаю. Корпоративы. Ещё студийная съёмка, ну или истории в живых декорациях. Почему фотограф на пропуск? Да с этим ведь любой справится.

– Я тоже так думал, – ответил Иван Александрович. – Вот только не у каждого получается. У вас люди на фотографиях настоящие. А нам как раз такие и нужны. Вам бы на паспорт

фотографировать, а то там постоянно кто-то другой выходит. А со съёмками не волнуйтесь. Если у вас будут заказы какие-нибудь, то договоримся. Я вас отпущу пораньше или придёте попозже. Ну или даже давайте так – один день в неделю можете не приходить, только заранее предупреджайте. Как бы отработаете потом. У нас выездные съёмки бывают.

Вот здесь я потерялась. Люди у меня, видите ли, настоящие на фотографиях. На паспорт бы мне фотографировать. И что тут ответить?

– Знаете что, – я вздохнула, – вы сейчас продиктуете адрес и время. Я туда приеду, и мы поговорим. И если вы мне вживую нормально всё разъясните, то я, может быть, даже соглашусь.

Он продиктовал, а я записала. А потом ещё долго сидела у окна с кружкой чая и качала головой. Улыбка блуждала где-то внутри, периодически показываясь на лице.

Каждый творец любит похвалу, даже если втайне знает, что ему льстят.

* * *

Тем же вечером я пришла по нужному адресу. Оказалось, он всего в двух остановках от меня. Можно проверить, за сколько буду проходить это расстояние пешком. Понять, как одеваться. Оценить, какие места лучше обходить стороной.

В пустом трёхэтажном здании меня встретил усталый мужчина лет тридцати пяти. Через линзы очков смотрел он на мир чуть грустным взглядом.

– Проходите, – сказал Иван Александрович. – Все уже ушли, а я остался, чтобы с вами пообщаться.

– Мне кажется, вы меня обманываете, – ответила я. – Нормальный человек назначит собеседование на рабочее время. Или хотя бы уточнит, когда удобно. А вы сразу назначили на вечер, даже без моей просьбы. Значит, думаете, что все другие люди тоже вечно заняты. Подозреваю, вы каждый день тут остаётесь допоздна.

– А если у меня как бы дела?

– У всех дела. Но кто-то их умеет двигать, а кто-то двигается под них.

– Раскусили, – Иван Александрович чуть улыбнулся. – Вы и людей видите как они есть. Наверное, поэтому у вас фотографии такие правильные получаются.

– Я просто детективов в детстве перечитала. У нас дома других книг не было.

– Читать любите? Это хорошо, – он чуть оживился.

– Чего же хорошего?

– Всё, – слегка пожал плечами.

Я постоянно говорю «чуть» и «слегка», поскольку Иван Александрович – «генеральный директор, но у нас фирма маленькая, так что все тут генеральные» – вёл себя именно так. Скорее обозначал, чем делал. Видимо, все силы уходили на работу, а потому остальное проходило в энергосберегающем режиме.

Мы ещё какое-то время поболтали. Милый разговор с приятным собеседником, который никак не похож на директора. А тем более генерального. Скорее – добрый волшебник, который твёрдо решил вручить мне в подарок мешок эскимо.

Суть работы – строительная компания, которая почти всё отдаёт на подряд. Рабочие, прорабы, да и инженеры с проектировщиками бегают по кругу – людей полно, и все чужие. Нужен человек, который будет фотографировать их на пропуски. Немного оформлять выставочные стенды в помощь маркетингу. Ну, и для продаж иногда что-то снимать. В общем, штатный фотограф с некоторой свободой в графике.

«Но скучать не придётся, вы не думайте!» – сообщил Иван Александрович, слегка кивнув.

Зарплата хорошая – в два раза лучше, чем в чайной, – платят стабильно и «в белую», соцпакета нет, но порой случаются премии.

– Вы очень красиво рассказываете. Должен быть какой-то подвох, но я пока его не вижу. Ну, кроме фулл-тайма и этих обязательных бюрократических процедур. Мне ведь, если вдруг соглашусь, паспорт нести и трудовую откапывать?

– Ещё анкету заполнить, – он протянул мне несколько листов, сцепленных скрепкой из синей проволоки. – Ну и как бы диплом, пенсионное, инэнэ и ещё что-то. Там написано.

– Ладно, – я взяла анкету. – По-прежнему считаю, что вы меня принимаете за кого-то не того, но если завтра я не передумаю, то попробую заполнить.

Он опять чуть улыбнулся. Встал, проводил до дверей и сказал:

– Я, может, и трудоголик, но в людях неплохо разбираюсь. Вы – именно тот человек, который нам нужен. Теперь я ещё больше убедился. Вели себя именно так, как и следовало, – на этих словах дверь за мной закрылась, оставив гадать в одиночестве, что Иван Александрович хотел сказать последней фразой.

Однако долго забивать голову я не стала. Вместо этого побродила ещё немного возле здания. Минут двадцать, наверное. В окне Ивана Александровича по-прежнему горел свет, а во всех остальных – темнота. Неуютная такая. Словно из неё кто-то на меня смотрел.

Поёжившись, я отправилась домой сквозь серую вечернюю хмарь.

Книги и анкеты

И всё-таки, невзирая на всю неуверенность и странные предчувствия – не беды, но чего-то нового, – утром решение пришло быстро и легко. Я проснулась с пониманием, что выхожу на работу. Хотя бы на испытательный срок. В конце концов, если судьба в нужный момент подкидывает тебе шанс, то не воспользоваться им – сущая глупость. Второго может и не быть. Отдадут тому, кто ценит внезапные подарки.

С появившимся решением действовать оказалось просто и легко. Я быстро заполнила анкету, позвонила Ивану Александровичу и пошла «сдаваться в рабство фулл-тайма».

Едва стоило появиться в кабинете будущего начальника, как я убедилась, что предположение о его трудоголизме было лишь вполонину верным. Всё оказалось намного хуже. Первые пять минут он отвечал на звонки, попутно делая какие-то пометки в блокноте. И вновь чуть усталый взгляд, и опять лёгкая полуулыбка. Дескать, видите, как всё бывает.

Я видела и надеялась, что со мной-то всё будет иначе. Конечно, судьба любит вместо подарков подкидывать испытания, из которых следует извлечь урок, но я быстро схватываю и не боюсь делать неприятные выводы.

Когда Иван Александрович наконец-то освободился, то сосредоточился на моей анкете. Он изучал её минут семь, и лицо его оставалось совершенно бесстрастным. Все мои бывшие страхи со школьных и институтских времён, когда сдаёшь работу и сидишь в ожидании результата, нахлынули разом. Хотя, казалось бы, это всего лишь анкета. В ней минимум творчества – одни только голые факты. Розовой ручкой я не заполняла, фантазию не включала, а пункты, где не знала что писать, оставила пустыми. Пояснят – заполню.

Но вот Иван Александрович поднял на меня взгляд, и я поняла, что ошибка допущена. Сейчас поставят двойку и отправят на пересдачу. Или просто вышвырнут вон.

А он ещё вздохнул, снял очки и принялся их протирать, продлевая клокочущую драматизмом паузу.

– Нужно указать периоды, когда вы официально не были трудоустроены, и написать, на какие средства существовали. Адрес следует писать текущий, а не по прописке. – Иван Александрович снова чуть вздохнул и тут же выставил руку вперёд. – Я как бы сам виноват. Нужно было дать вам образец. Не переживайте, ничего страшного не случилось. Просто нужно заполнить ещё раз. Прямо здесь. Никуда уходить не надо.

Я тоже вздохнула несколько раз, чтобы успокоиться. Взяла новый бланк, записала его замечания и принялась заполнять снова. Иван Александрович на время вернулся к телефону. До меня долетали обрывки разговоров, но я даже в смысл их не вдумывалась.

И вот второй раз я подала Ивану Александровичу анкету. Притих Иван Александрович, сосредоточился, и заскользил взгляд его по строчкам...

– Всё правильно, – сказал он наконец и почти тут же слегка пожал плечами, так что я поняла – правильно не всё. – Только исправления не допускаются. А у вас вот здесь зачёркнуто и вот здесь. Вы только как бы не переживайте и не злитесь. Наш кадровик откуда-то эти требования вытащила, а я подписал, что так надо. Теперь не нарушать же как бы собственные указания. Не волнуйтесь, у меня ещё один бланк есть.

Как это обычно бывает после подобной фразы, я запереживала и разозлилась. Но всё-таки села заполнять анкету в третий раз. Будь моё имя Кэрри, листок тут же сгорел бы дотла. Но я собралась и вновь устремила на штурм непокорённой вершины. Но очень медленно и вдумчиво. Шаг за шагом. Тщательно отмеряя слова и взвешивая.

Результатом мог бы гордиться мой учитель по русскому языку. Он всегда говорил, что поразительный талант к грамотности сочетается в моём случае с крайне неразборчивым почерком, отчего различить эту самую грамотность практически невозможно. А сейчас очень болели

кисть и пальцы – давно я столько не писала, – но анкете не хватало до шедевра каллиграфии одной только рамки.

Когда я подавала листки Ивану Александровичу, руки дрожали, а взгляд тяжелел от злости. Думаю, будь там даже пара ошибок, он бы всё равно их у меня принял. Иначе развернулась бы и ушла. Не прощаясь.

Взяв анкету и документы, он оставил меня одну в кабинете. Рассматривать там особо было нечего, так что я просто перебегала взглядом с окна на потолок и мысленно пыталась понять, почему же в наш суперсовременный век технологий требуется заполнить анкету вручную? Почему бы не прислать бланк на почту? Или дать ноутбук. Если нужна подпись, то её можно поставить и на распечатанном листке.

Понимание ко мне так и не пришло, но тут вернулся Иван Александрович. Он мило улыбался, однако правую руку при этом держал за спиной.

Пальцы мои затряслись, а сердце заколотилось от назревающей бури. Однако будущий начальник явно умел читать по лицам. Он начал издали – рассказал, что с завтрашнего дня я буду зачислена в штат. Пояснил, что моё рабочее место уже готовится. Расспросил, нужно ли покупать камеру или я буду использовать свою. Даже рассказал, где тут рядом можно неплохо и недорого поесть. Однако при этом так и не присел, а руку из-за спины не вынул.

– Давайте уже, – я не выдержала. – Не томите. Что я написала не так в этот раз?

– Всё как бы так, – он чуть улыбнулся. – Вы приняты на работу, а потому нужно вот ещё заполнить...

Иван Александрович протянул мне бланк. Я пробежала его глазами – почти те же самые пункты. Почти такие же формулировки. Разница – минимальная.

Подняла глаза на уже почти начальника, и тот пожал плечами:

– В прошлый раз была анкета кандидата, а это как бы карточка работника. Постарайтесь без помарок, чтобы не переписывать.

* * *

Домой я шла в приподнятом настроении. Удивительное дело, если подумать. Либо всплыли скрытые резервы организма, либо у меня странная реакция на стрессовые ситуации. Может быть, я просто давно в них не попадала?

В рюкзаке лежали три бланка карточек работника. Выпросила, когда закончила хохотать. Иван Александрович посматривал на меня в тот момент опасливо, но благожелательно. Просьбу «заполнить дома» воспринял нормально и даже подарил плитку гематогена. Кажется, из личных запасов на случай задержек на работе.

Однако лечить пошатнувшиеся нервы я решила сначала вкусным мокачино в одном из тех заведений, которое он посоветовал для обедов, и оказавшимся неподалёку парком.

Будний, слегка пасмурный день людей не привлекал, так что на аллеях оказалось пустынно и удивительно тихо. Даже шум машин с улицы рядом проходил сквозь фильтр осебодившихся от снега деревьев. Становился фоном, похожим на странный и неравномерный прибой.

Я гуляла около получаса, засунув руки в карманы пальто, пока не поняла, что ещё немного и заболею – ноги подмерзли, да и в носу уже подозрительно хлюпало. Середина марта в нашем климате – это далеко ещё не весна, а всего лишь прелюдия к ней.

Поспешила домой и на выходе из парка наткнулась на стопку книг, которую кто-то оставил на лавке, перевязав бечёвкой – такой вот привет из детства. Думала, что в наше время никто уже так не делает. Бегло пробежала по названиям – большую часть авторов знала, но ни одно из произведений до сих пор не читала. Оглянувшись несколько раз в страхе, что кто-нибудь вернётся за книгами, я приняла решение – пусть рука отсохнет, но домой дотащу.

Однако прежде я всё-таки достала из рюкзака записную книжку, накарябала на вырванном листке: «Большое спасибо!» – и оставила его на лавке, придавив камнем. Вдруг неизвестный вернётся проверить, что стало с его книгами. Пусть знает – попали в хорошие руки.

Так, обзаведясь не только работой, но и досугом, я пошла домой. Книги были не тяжёлые, но нести их оказалось неудобно, а здравая мысль – зайти в магазин и купить пакет – посетила меня лишь у подъезда.

Рука бога и сестра ангелов

После Кристина тщательно проанализирует свои действия. Миллисекунда за миллисекундой. Всё это в поисках того переломного момента, когда всё изменилось. Может, даже найдёт его. Или убедит себя в том, что он существовал.

Когда всё случилось, это «после» не имело никакого значения.

Извилистая дорога, то нырявшая вниз, то вновь поднимающаяся очередным холмом. Скорость выше положенной, лёгкая усмешка на губах и упоение свободой движения.

Два маленьких силуэта, внезапно оказавшиеся на пути. Резкое движение руля в сторону. Дорожный знак, сминающий переднюю часть автомобиля со стороны пассажира, которого нет. Звон стекла, хлопок подушек безопасности, хлесткий удар ремня, который чуть не выбил плечо.

И мысль, о которой Кристина не желала вспоминать: «Зачем я их заметила? Просто ехала бы дальше».

Прошло не больше минуты, пока она пришла в себя. Отстегнула ремень, открыла дверь и вылезла, борясь с подушкой, сохранившей ей жизнь. Едва встала, как тут же ноги подкосились, и Кристина опустилась на землю, прислонившись к разгорячённому металлу машины. Зазвенели осколки стёкол под ногами. Часть из них упала с неё самой. Ещё часть запуталась в волосах и складках одежды. Один, кажется, попал даже в вырез сарафана. Его следовало достать как можно скорее, но сил у Кристины не осталось.

Сейчас она жалела, что не курит. И что не взяла с собой ничего из спиртного. В голове всплыли ещё два способа как-то снять напряжение, но слёз Кристина избегала всю сознательную жизнь, так что оставался только один.

– Грёбаная херня! Сука! Ну, почему именно сейчас? Что за...

– ¿Qué pasó?

– La mierda del toro!

Кристина ответила машинально. Раньше, чем успела понять, кому принадлежит этот высокий и тонкий голос. Подняв глаза, она увидела перед собой детей. Белокурого пухлого ангелочка с карими глазами и голубоглазую брюнетку, чёлка которой доходила почти до бровей, что придавало лицу угрюмое выражение. Общим лет по шесть-семь, не больше. Девочки держались за руки и стояли поодаль.

«Это их я чуть было не сбила», – поняла Кристина.

Запоздалого испуга не случилось. Наоборот, накатила злость. На тех, из-за кого взятая напрокат машина превратилась в груды металла, а сама Кристина в испуганную и дрожащую мышь, застывшую в оцепенении.

– Вы не справились с управлением? – спросил «ангелочек» всё так же на испанском.

– Откуда вы здесь появились?! – Кристина попыталась встать, но только бессильно дёрнула ногой – та отказывалась повиноваться. – Что вы делаете на дороге? Почему без взрослых? Какого чёрта вам понадобилось бросаться под колёса? Да вы с ума сошли! Дуры! Чёртовы дуры, из-за которых я здесь застряла! Убирайтесь!

Рука нашарила осколок стекла. Кристина сжала его, почувствовав резкую боль. Попыталась кинуть – не в девочек, чуть в сторону. Бросок вышел неважным, стекло по маленькой дуге упало в метре от самой Кристины, однако девочки вздрогнули и отступили.

– Убирайтесь! – закричала, чувствуя, как голос срывается на визг.

Девочки по широкой дуге обошли её, не отводя взгляда, а затем бросились бежать. Кристина слышала за спиной топот детских ног и улыбнулась. Чужой страх принёс неожиданное облегчение. Ровно до того момента, пока она не осознала, в каком положении очутилась.

Девочки не могли оказаться здесь одни. Значит, где-то рядом люди.

«Если эти две дурочки умеют отвечать за свои поступки, то приведут помощь», – решила Кристина.

Пока же стоило сделать что-нибудь самой. Например, справиться с порезом на правой руке. И с многочисленными ссадинами по всему телу, в том числе на лице. Избавиться от осколков. Достать чистую одежду из сумки и найти в этой чёртовой машине аптечку. Ну а потом вызвать кого-нибудь на помощь.

Кристина не знала, сколько времени ушло, чтобы исполнить задуманное. Часы в машине сломались, а телефон оказался разбит вдребезги – сумка лежала на пассажирском сиденье. Как раз там, куда пришёлся удар дорожного знака. Хорошо, что с документами ничего не случилось. Правда, толку от паспорта ноль, когда его некому предъявить.

Неизвестное место, чужая страна, отсутствие связи, разбитая машина и фантастически крепкий указатель:

«El Punto 2 km».

Что ж, стало ясно, откуда на этой глухой дороге появились дети.

«Знают ли их родители про такие игры? Разумеется, нет. Наверняка эти мелкие дурёхи решили не рассказывать о произошедшем, потому что им попадёт. Испуганные мышки нырнули в норку, и молчок».

Всё то время, пока Кристина приводила себя в порядок, ни одна машина не проехала ни в ту, ни в другую сторону. Конечно, рядом может оказаться заправка или автосервис, вот только карта осталась всё там же, в разбитом телефоне.

Бумажные карты – это прошлое. Ха-ха! Какая прекрасная мысль! Поменяться бы местами с тем, кто её высказал и пустил в оборот.

«Надо дойти до этого Эль Пунто и попросить о помощи, – сказал внутренний голос. – Ничего страшного пока не случилось. Встреча назначена только на завтра. Время ещё есть».

Что ж, раз так, то придётся наведаться в этот городок. Они обязаны заплатить за поступки своих детишек. Даже если те расскажут, что Кристина на них накричала. Повод имелся, и очень даже весомый. И пусть только попробуют спорить!

Пыталась кинуть в них стеклом? Это всего лишь жест отчаяния. Она даже не попала. Просто нелепая шутка в состоянии аффекта. Это все понимают.

Прогнала девочек? Ну а что тут такого? Просто слова, ничего более.

«И почему же ты всё ещё здесь?»

Кристина фыркнула и двинулась по дороге к Эль Пунто. Иное действие лучше бесплодных ответов и размышлений. Пыль на глинистой дороге хранила отпечатки детских ботинок. Кое-где следы оказались смазаны, а где-то пересекались друг с другом. Кристина шла по ним, словно следопыт, выслеживающий жертву. А между тем в мозгу наступило то самое «после». Попытки понять, где же Кристина совершила тот просчёт, который привёл именно сюда и именно сейчас.

Наверное, следовало на предыдущей развилке поехать по оживлённой трассе, а не стараться сократить себе путь. Или выбрать самолёт, пусть и денег в обрез. Или передоговориться о встрече.

Разумеется, Кристина просто не искала в том месте, где требовалось. Например, ни разу не спросила себя, что же это за встреча, на которую она так спешила.

Существует ли она вообще?

* * *

Городок производил гнетущее впечатление. Заплесневелая от безысходности вещь, которую забросили на чердак или спустили в подвал. Изредка, во время очередной уборки, взгляд

падает на неё, часть пыли, паутины и плесени отряхивается, бывшее великолепие и предназначение мелькают на секунду или около того. И всё вновь погружается в забвение.

Дома вроде чистые, ухоженные, но обветшалые. Люди в поношенной одежде – ссутулившиеся под тяжестью наступившего нового времени. Гирлянды из разноцветных флажков, что развешивали по улицам несколько горожан, истрёпаны ветром и выцвели на солнце до блёклости.

Кристина шла сквозь город и высматривала автосервис, ремонтную мастерскую, прокат машин или полицейский участок. Ничего из этого ей не встретилось, как не встретилось ни одного указателя. Люди же просто отворачивались в ответ на просьбу о помощи. Вздрагивали при звуках голоса, старались обойти, если Кристина вставала на их пути, но при этом молчали.

Считали её той проблемой, на которую проще закрыть глаза, чем решать.

Было ли тому причиной случившееся между Кристиной и теми девочками? Наверняка. Маленький городок, слухи распространяются быстро. Но почему столь подчёркнутое игнорирование? Только ли из-за того, что она чуть не задавила детей, а потом накричала на них?

«Это я жертва, – подумала Кристина. – Я пострадала куда больше. Но если люди не хотят платить по счетам, то пусть всё будет на их совести».

Мысль тешила самолюбие, но не решала проблемы. Кристине нужно успеть на встречу. Завтра. В девять утра. Примерно в двухстах километрах дальше по шоссе.

Ей удалось отыскать телефон – в маленьком кафе, пропитанном домашней атмосферой. Скатерти, сшитые вручную. Кривоватые стулья, собранные чьими-то руками. Картины, нарисованные красками на стенах. Рамки прибили сверху, словно подчёркивая, что это произведение искусства.

В иных обстоятельствах и в ином времени Кристине здесь бы понравилось. Но прямо сейчас всё вызывало отторжение. Даже старый телефонный аппарат – дисковый, с тяжёлой трубкой из дешёвой пластмассы. Особенно то, что он не работал. Ни гудка, ни голоса, ни шороха.

Это стало последней каплей.

Кристина вышла на улицу, сжав кулаки, и двинулась вперёд. То, что она искала, обнаружилось почти на окраине. Старый, побитый временем, песком и пылью пикап стоял во дворе одного из домов. Цвет машины, наверное, когда-то был ярко-коричневым, но сейчас почти сливался с окружающим серым пейзажем. Тем не менее пикап выглядел способным проехать двести километров.

«Это преступление, – сказал внутренний голос. – Даже если собеседование пройдёт успешно, тебе придётся за него ответить».

Кристина лишь отмахнулась. Сейчас правота этих слов ничего не решала. Нужно убраться отсюда, и если никто не хочет помогать, то пусть пеняют на себя.

Ключи от пикапа болтались в замке зажигания. Наверняка и двери в местных домах не закрываются. Раз уж здесь нет полицейского участка, то нет и преступников. Или их количество настолько мало, что можно не принимать в расчёт. Впрочем, Кристине всё это было только на руку.

Она открыла дверь автомобиля, ожидая окрика, но лишь просвистел ветер. Села внутрь машины и окунулась в ароматы табака, пота и пыли. Провела пальцем по рулю, сглотнула и выдохнула.

А что, если пикап сломан? Что, если это всего лишь гора рухляди, которая просто стоит здесь? А ключи вставлены, потому что хозяевам нечего бояться.

Нет. Она должна работать. Ни одно невезение не способно длиться так долго.

Кристина вылезла из машины, открыла рюкзак и нашла бумажник. Три сотни евро – всё, что у неё есть.

Отсчитала две бумажки по сто евро, подошла к дому и засунула деньги в почтовый ящик. Разумеется, машина стоила больше, но этот поступок стал той костью, в которую вцепилась совесть, чтобы спрятаться внутри на время.

«Я верну машину после, – подумала Кристина. – Всё равно придётся ехать сюда, чтобы разбираться с той, которую взяла напрокат».

Мысль придавала ещё больше сил и решимости. Кристина уже спокойно села за руль пикапа. Задержала дыхание и медленно провернула ключ в замке зажигания. Мотор завёлся сразу же и заурчал спокойно и мерно. Хоть что-то приятное за сегодня. Кристина включила передачу, тронулась, но почти тут же остановилась.

У ворот, преграждая путь к бегству, стояли люди.

Гигантская толпа, по ощущениям – всё население этого городишки. Стояли и смотрели на неё, не делая ни одного шага внутрь. Мрачные суровые лица. Дети, взрослые, старики.

Руки дрожали, но не только от вибраций мотора. На ладонях выступил пот, но не от жары. В горле пересохло, но тому виной была не жажда.

«Если я выйду, то они меня растерзают!» – происхождение той паники, что вызвала эту мысль, Кристине оказалось неведомым.

Она опустила стекло и крикнула:

– Дайте проехать! Я оставила деньги и верну машину после!

Молчание в ответ. Кристина облизала пересохшие губы. Что они собираются делать? Напасть?! Отчаянное движение, которым она заблокировала двери, ничего не могло изменить. Если толпа захочет, то они просто разобьют стекло и вытащат её наружу.

– Дайте проехать! – ещё раз крикнула Кристина, чувствуя истеричные нотки в голосе и презирая себя за них. – Я очень спешу. Моя машина попала в аварию там, на шоссе. Если кто-то доведёт меня до ближайшего города, то я готова оставить эту машину здесь. Я заплачу!

Вновь тишина. Кристина чувствовала, что проигрывает этому молчаливому и надменному осуждению. Ещё чуть-чуть, и придётся вылезать из машины и извиняться.

А что потом? Разве это изменит отношение жителей городишки? Уж если они не помогли, когда она просила об этом, то теперь-то вряд ли сжалятся.

Все эти мысли породили отчаяние припёртого к стенке зверя. Теперь чужая злость не имела значения.

– Дайте проехать, уроды! Это всё из-за вашего дурацкого городишки! Из-за ваших детей, которые играют там, где нельзя играть! Если бы не две эти малолетние дуры, то я бы проехала мимо, не заметив вас, как делают это все остальные. Думаете, мне нужен ваш идиотский город и эта машина? Нет! Но я вынуждена это делать, потому что вы не оставили мне выбора!

– Выбор есть всегда. И ты его сделала. Так что не стоит теперь плакать.

Сначала Кристина услышала голос, а лишь затем увидела человека. Он шёл, а люди расступались перед ним, образуя коридор. Высокий мужчина с обветренными и сухими чертами лица. Руками он придерживал тех самых девочек, которых Кристина чуть не сбила, а они жались к его ногам и прятали взгляд.

Но сам мужчина смотрел прямо и уверенно. Он шёл так, словно бросал вызов. От его взгляда закололо в бок.

Кажется, Кристина добила наконец-таки диалога, но разговор ей уже не нравился.

* * *

– Меня зовут Анхель, – сказал мужчина, оказавшись перед пикапом. – Эти две малолетние дуры, которых ты смела поносить, тоже имеют имена.

– Я не... – попыталась возразить Кристина, но тут же замолчала. Хотя бы самой себе не стоило лгать.

– Дочь, которая стоит по правую руку, готовит мне завтрак. При рождении её коснулась рука бога. – Анхель нежно провёл по лицу черноволосой девочки и приподнял чёлку, открывая безобразный извилистый шрам, который тянулся через весь лоб. – Бог сделал её замкнутой и молчаливой, но у девочки доброе сердце. Она умеет предсказывать погоду и вызывать дождь. Имя её – Хуана.

«Зачем мне это знать?» – подумала Кристина, но как замороженная продолжала слушать то, что говорил этот человек с надтреснутым голосом.

– Дочь, которая стоит по левую руку, готовит мне ужин. Господь не коснулся её, однако ангелы назвали своей сестрой. – Анхель аккуратно повернул белокурую девочку спиной к Кристине и чуть приподнял её футболку. Перья того же цвета, что и волосы, росли прямо из спины девочки. – Она весела и любознательна. Все радости и горести текущего момента бытия открыты перед ней. Имя её – Мария.

«Я сплю, – думала Кристина. – Я просто сплю. Или брежу. Возможно, я умерла в той аварии и попала в такое странное посмертие. Последний момент, который у меня остался».

Но она знала, что не умерла. Не чувствовала себя мёртвой. Вся боль от ссадин с ней рядом. Просто это поселение... оно другое.

– Теперь они стоят перед тобой, и ты знаешь их имена. Ты говоришь, всё случилось, потому что девочки стояли на дороге? Так вот они, стоят снова. Поступи как хотела и исправь собственную ошибку.

По знаку Анхеля толпа раздвинулась, выстроившись коридором, сквозь который мог проехать пикап, если бы не две девочки, стоявшие на пути.

Совсем как тогда, в самом начале. Только теперь для выбора оставались не мгновения, а вечность.

– Это бред! – крикнула Кристина. – Уберите детей, и я проеду.

– Они виноваты. Так ты считаешь. А раз они виноваты, то должны понести наказание.

– Бред!

Больше ответов не было. Девочки стояли, потупив взор. Мотор пикапа мерно урчал. Кристина сидела за рулём и чувствовала слёзы, подступающие от бессилия. В отчаянии она искала иной выход. Тот, который позволит избежать этого безумия. Что им всем надо? Просто колония психов, или...

«Вот именно. «Или», – внутренний голос казался незнакомым. Но через секунду Кристина поняла, что это интонации Анхеля, и сразу успокоилась. Словно в тот момент, когда безумие охватило её саму, мир приобрёл необходимую чёткость и реальность.

«Всё правильно. Делай свой выбор».

– Я не хочу этого делать, – Кристина сглотнула. – И не буду. Прошу прощения, что так сказала о девочках. Это моя вина...

Она говорила тихо, но Анхель слышал. Его голос теперь звучал одновременно снаружи и внутри самой Кристины. Только в одном случае он говорил на испанском, а в другом – на русском.

– Ты лжёшь сама себе. Ты просишь прощения не потому, что признала вину. Просто не чувствуешь в себе сил что-либо сделать. Страх последствий – вот цена твоих извинений. Но мы поможем тебе принять решение.

И тотчас рычаг передачи щёлкнул. Машина чуть тронулась с места, а затем потихоньку покатилась, набирая скорость.

Ноги не слушались – не дотягивались до педалей. Руки не могли оторваться от руля – дёрнуть ручной тормоз или переключить передачу. Лишь только глаза Марии и глаза Хуаны, которые смотрели теперь прямо на Кристину.

Голубые глаза той, кого коснулся бог. Карий взор той, кого ангелы избрали сестрой.

И мысленный диалог, превратившийся в маятник. Настольный теннис с собственной совестью.

«На такой скорости с ними ничего не случится серьёзного».

«Я не могу так поступить».

«Ты можешь забыть всё это, ты уже почти забыла, ты вспомнила лишь потому, что тебе так велели».

«Могу, но не должна, это недопустимо, не настолько мне нужна эта работа».

«Возвращаться в съёмную однушку, платить за которую нечем. С последней работы ты сбежала, потому что не смогла переступить через себя, и сейчас ты снова боишься».

«Ничего не может быть выбрано так...»

В последний момент руль в сторону. Ноги ожили, и Кристина машинально нажала на газ. Почему не на тормоз? Она всегда убегала от проблем, а не застывала перед ними.

Машина пронеслась сквозь ограду, но никакого удивления Кристина не ощутила. Только удовлетворение и восторг от правильности выбора.

Люди расступились перед ней, и дорога оказалась свободна. Лишь взгляд Анхеля провожал её. Он подмигнул и помахал рукой. Кристина кивнула в ответ.

Дорога вела к шоссе. Пикап шёл ровно и плавно – подвеска отлично справлялась со всеми рытвинами и ямами, которые встречались на пути.

Наслаждение дорогой. Удовольствие от пути.

Проехав мимо разбитого автомобиля, который по-прежнему стоял, обретя своё последнее пристанище у столба, Кристина вывернула на шоссе. Впереди – двести километров на пути к новой работе и новой жизни. У неё всё обязательно получится. После того, что произошло, в том не было никаких сомнений. Все горести, какие следовало, она пережила за сегодня сполна.

– Ещё не всё, – сказала Мария. – Сейчас тебе кажется, что всё позади, но это ошибка.

Кристина бросила взгляд в зеркало заднего вида: девочки сидели позади неё – юбки расправлены, руки сложены на коленях.

И вновь никакого удивления. Лишь понимание неизбежности происходящего.

Через несколько минут Кристина остановилась и посмотрела на перевернувшийся грузовик. Фургон упал так, что перегородил всю дорогу. Рядом с ним – две машины «Скорой помощи», три полицейских автомобиля и тягач, который тыкался рядом с грузовиком, словно слепой щенок возле матери.

– Когда это случилось? – спросила Кристина, хотя знала ответ. И молчание оказалось тем подтверждением, которое требовалось. – Спасибо. Это я дура, а не вы.

Кристина вновь тронула педаль газа, съехала на обочину и медленно объехала вереницу столпившихся автомобилей. Она вновь взглянула в зеркало заднего вида, но там никого не оказалось. Повернула голову – так и есть, пустое сиденье. Лишь одинокое перо неизвестно какой птицы.

Или ангела.

– Спасибо, – повторила Кристина, вновь смотря на дорогу. – И ещё раз простите меня.

Тонкий детский смех был ей ответом. Отзвучав, он резко оборвался.

– Нам рано прощаться, – сказал ещё один голос. Глубокий, пробирающий изнутри. Голос Хуаны, которого прежде Кристина не слышала. – Мы спасли тебя, но ты ещё не спасла нас...

Веки налились тяжестью. Глаза закрылись, а голова упала на грудь. Машина катилась дальше, но куда именно – Кристина уже не видела.

Имена и люди

Никогда ещё не видела таких ярких, похожих на реальность снов. Очнулась в кровати, и казалось, что на губах ещё ощущается привкус пыли, а в волосах запутались осколки стёкол. Однако стоило записать сон в файл, как он отпустил меня. Остался набором символов, ничем со мной не связанным. Даже записывать его почему-то оказалось удобней в третьем лице. Словно не со мной вовсе всё это случилось, а с кем-то другим.

«Ну и ладно, – решила я. – Пусть с кем-то другим, мне не жалко». На том и договорились, и утро покатилося новым порядком, к которому следовало постепенно привыкать.

Умыться, позавтракать, чуть накраситься, одеться и идти на работу. А заодно и приблизиться к пониманию, что нужно вставать или выходить позже. Появляться за полчаса до начала рабочего дня – рвение похвальное, но дополнительно не оплачиваемое.

Иван Александрович, разумеется, уже был на месте. Возможно, он даже не уходил. Во всяком случае, костюм, взгляд и улыбка – всё как вчера.

– Сейчас все подойдут, и я вас проведу и со всеми как бы познакомлю.

Звучало куда проще, чем выглядело. Меня водили по этажам и кабинетам, где представляли разным людям, которых потом представляли мне.

– Это Кристина, наш новый фотограф, а это Антон, проектировщик...

Вежливые и настороженные улыбки с обеих сторон. Все эти «очпрятнопознакомиса» и «добропожалатьвколлктв», сказанные скороговоркой с единственным желанием – поскорее закончить. Чувствовала я себя как в детстве, когда к нам приходили гости, и в какой-то момент нужно было прийти и рассказать, как учишься, чем занимаешься и кем хочешь быть. Я почти явственно почувствовала запахи спиртного, еды и духов, перемешавшиеся между собой. И увидела раскрасневшиеся лица взрослых, застывшие в преувеличенном внимании.

Бррр!

Выучка фотографа помогла и здесь – в работе, а особенно на свадьбах или корпоративах, приучаешься общаться с огромной массой незнакомых тебе людей, с которыми больше никогда не встретишься. Главное – улыбаться, но ненавязчиво. Избегать острых тем и не иметь собственного мнения. Вставлять в нужный момент междометия, которые сделают тебя душой компании. И помнить, что эти люди не так уж хотят знать про твою работу, твою камеру, твой объектив и твои заработки. Им просто скучно. А ты – ещё одно из развлечений на этом празднике.

Я познакомилась с Мариной из отдела маркетинга – яркая шатенка с наполовину зелёными волосами, фигурой богини и рассеянным взглядом увлечённого человека.

Была представлена Борису Аркадьевичу, который отвечал за строительство и назывался «главным инженером», – усатому дядьке под пятьдесят с манерами отставного военного, таким же юмором и хитринкой в глазах.

Удостоилась внимания Лидии Анатольевны, женщины со взглядом кобры и лицом куклы, в чьём ведении находились продажи.

Дальше всё смешалось, но я дала себе обещание со всеми перезнакомиться в ближайшее время.

Ну а напоследок мне явили тихий уголок на третьем этаже, подальше от всех. Здесь были компьютер, принтер, широкоформатный плоттер и камера, которую я посоветовала выбрать. Приятное место с видом на проспект, переходящий в парк, где я нашла книги. И даже отсутствие дверей меня не смущало – в чайной лавке приходилось сидеть в центре торговой галереи.

– И когда вы только успели? – всплеснула я руками. Отчасти действительно удивилась, а отчасти видела, как Иван Александрович переживает, всё ли меня устраивает. Это было так трогательно, что я решила немного подыграть.

– Я ведь трудоголик, – сказал он со своей привычной уже «чуть улыбкой». – Иногда пригождается.

Привычки и лёгкость бытия

Тот день прошёл пустую, хотя и оказался наполнен новыми людьми, их эмоциями, цепкими или же пустыми взглядами, и любопытством, которое пока ещё сдерживали. Коллеги присматривались ко мне, а я к ним, и в таком вот равновесии мы дожили до конца марта. Привыкали друг к другу и учились сосуществовать.

Это оказалось неожиданно тяжело – не в физическом, а в эмоциональном плане. Вокруг тебя каждый день одни и те же люди. Постепенно набор фактов, имён и лиц становится чем-то по-настоящему значимым. И ты потихоньку выпускаешь коллег в свою жизнь, а самаходишь в их. Не знаю даже, что из этого тяжелее.

Домой я приходила усталая и отчего-то раздражённая. Чашка кофе, любимый сериал и сёрфинг в сети помогали отвлечься, но ненадолго. Прогулки по парку приносили больше пользы – они выматывали так, что засыпалось спокойно и быстро.

Когда случился первый выходной, я половину дня просидела, смотря в окно. Наслаждалась тишиной и одиночеством. В воскресенье взяла камеру и отправилась бродить по городу, фотографируя всё подряд. Весь вечер редактировала снимки и тщательно отбирала. Оставила из пары сотен только десять. Скинула на флешку и положила, чтобы в понедельник отнести на работу, распечатать и повесить на стенку. Может быть, как-то обозначив своё пространство, удастся получить глоток свободы и возможность прятаться среди этих фотографий.

Ни одной книги из найденных в парке я за март не прочитала. Выбрала «Маисовых людей» Мигеля Астуриаса, но они так и пролежали на тумбочке. Дальше первой страницы я не продвинулась. Книги плохо сочетались с невыносимой лёгкостью бытия, хотя первая фраза рефреном звучала в голове едва ли не каждое утро:

– По твоей вине, Гаспар Илом, я, земля Илома, не смыкаю глаз.

Наступление апреля я почти не заметила.

Апрель

Мадам Вельгорская

Яне запомнила её имя, когда знакомилась со всеми. Да и после почти не слышала, чтобы её звали по имени или отчеству. Куда чаще по фамилии. Иногда даже добавляли «мадам».

Мадам Вельгорская. Повелительница дебета, кредита и заработной платы. С такой фамилией и замашки соответствующие.

Всё началось с того, что всем выдали денег, а мне нет. Сначала я хотела обратиться к Ивану Александровичу, но потом вспомнила, какой он вечно занятой. Когда его отвлекаешь от дел, возникает чувство, будто ты маленький ребёнок, которому нечем заняться. В общем, я решила, что для начала попробую сама, а там посмотрим. Я уже большая девочка. Живу одна, работаю вот. Должна и уметь разбираться с проблемами.

Однако реальность думала иначе. И всячески готовила меня к тому, что случится.

Округлившиеся глаза и шёпот Марины из маркетинга, когда она услышала вопрос и начала сбивчиво пояснять, куда мне обратиться и как туда пройти. Свободный и уютный коридор в восточном крыле на втором этаже, который пустовал: на стенах ни единой картины, на подоконниках ни одного цветка. Пятидесятилетняя дама с двойным подбородком, рассматривающая себя в карманном зеркальце.

Оторвавшись от этого действия, мадам Вельгорская окинула меня взглядом, поджала губы и отчеканила:

– Подождите за дверью.

Я вышла и встала у окна. Прождав десять минут и не услышав «Войдите», переместилась на подоконник. Затем начала ходить по коридору, стараясь не наступать на скрипящие половицы. Через полчаса могла с закрытыми глазами пройти по коридору так, чтобы не издать ни звука. Бесполезное умение, но чем только не займёшься со скуки.

Поскольку меня всё ещё не приглашали, а терпение подходило к концу, я решила напомнить о себе, проявив все известные навыки дипломатии.

Постучала в дверь три раза.

Открывала её медленно.

Извинилась за то, что в прошлый раз помешала.

Поздоровалась, представилась и вновь извинилась.

Ответом стал всё тот же взгляд и поджатые губы. И тишина.

– Мне зарплату не выдали, сказали, это к вам...

Я допустила одну ошибку, но она оказалась решающей. Не знаю, из каких глубин подсознания, однако в голосе прорезался просящий тон. Даже заискивающий слегка. Потом я вспомнила его и стыдилась, но в тот момент он появился, и этого хватило. Мадам Вельгорская вычеркнула меня из списка достойных собеседников, переведя в разряд людей, на которых можно орать.

– Какая зарплата?! Да ты неделю всего работаешь! Устроилась по блату или ещё через как, а уже деньги требуешь? Кто тебя вообще ко мне отправил? Что ты от меня хочешь? Все вы такие, понавыводились на мою голову! Только и знаете, что деньги, деньги, деньги. Нет чтобы работать нормально. Приходите и требуете. А как мне помочь, так от вас не дождёшься. Заняты всё время!

Я сжала челюсти до боли. Стиснула кулаки. Твердила себе: «Я не заплачу!» Получилось sobаться и ровным голосом произнести:

– Чем я могу вам помочь?

– Убирайся! – заорала Вельгорская. – Пошла вон, и чтобы я тебя больше не видела! Обвинять она пришла! Я себе деньги чужие не присваиваю! Всё, что надо, выдаю в срок...

Дальше я не слушала. Вышла и тихонько затворила за собой дверь, хотя так и подмывало хлопнуть. Как-то добралась до рабочего места и сидела там, ничего не видя, пока не почувствовала прикосновение к плечу. Овернулась и увидела Ивана Александровича.

– Забыл предупредить, – он чуть поморщился. – Если ты как бы меньше половины месяца проработала, то зарплату не выдают. Плюсуем к авансу. Извини.

Иван Александрович снова поморщился, и я внезапно всё поняла.

– Она звонила вам? Вельгорская? Жаловалась на меня?

– Она не жалуется, – он вздохнул. – А как бы рассказывает, как надо работать. Не обращай внимания. И ещё раз извини.

Махнув рукой, Иван Александрович вышел, а у меня на душе стало ещё гаже. Мало того что сама в дерьмо влезла по незнанию, так и неплохого человека подставила. Чего стоило у той же Марины спросить, почему так может случиться?

На улице набежали тучи. Повалил тяжёлый мокрый снег, который лип ко всему подряд, тут же таял и превращался в слякоть и грязь.

Я вернулась домой в отвратительном настроении, и ничего не могло его изменить. День получился из тех, что следует выкинуть и забыть как можно скорее.

Быть сильной

За окном что-то мелькнуло, и Кристина вздрогнула. Она подошла ближе и украдкой выглянула – всего лишь жаворонок, вспорхнувший на ветку. Теперь та покачивалась, а птица смотрела в окно, поворачивая голову то одной стороной, то другой.

На секунду Кристине показалось, что глазами птицы смотрит он, но наваждение тут же сгинуло. Она глубоко вздохнула и проверила: закрыты ли щеколды, на месте ли веточка омелы, заткнуты ли щели бумагой, пропитанной воском. Покончив с окном, Кристина подошла к входной двери и дёрнула – та не пошевелилась, удерживаемая тремя замками. На нижнем из них засов был отлит из серебра.

На кухне Хуана и Мария сидели за столом и рисовали в альбоме огрызками цветных карандашей. Скорее абстрактная картина, чем осмысленный сюжет. Дребезжащий холодильник в углу вздрогнул и затих. Стало слышно, как грифель царапает бумагу.

Кристина взглянула на часы, висящие на стене. Маленькая стрелка подходила к семи, а длинная подгоняла её, миновав шестёрку. До темноты оставался всего час, если не меньше.

«Я не успею вернуться, – подумала Кристина. – Пойду завтра. От голода не умрём. Немного молока и остатки хлеба сгодятся для завтрака, а вечером можно открыть консервы или сварить рис».

«А как же пирог?» – спросил внутренний голос.

Кристине пришлось ухватиться за оконную раму, чтобы не упасть – так силен был удар, нанесённый подсознанием. Впрочем, завтра он мог стать ещё сокрушительней, если бы она не вспомнила.

Эмпанада. Для неё нужны яйца. И тесто, потому что сама Кристина уже не успеет его сделать.

Пирог заказали Серхио и Лоренсо, которые завтра ранним утром уходят в лес. Они обещали за эмпанаду дров, чтобы хватило на месяц. Обмен даже выгодней, чем кажется.

И как она не вспомнила про остальные ингредиенты для эмпанады? Кристина нарезала их заранее и убрала в холодильник, чтобы начать готовить вечером, когда жара схлынет. Заодно погреться от печки – приятное с полезным.

Она снова посмотрела в окно. Затем на Хуану и Марию. Девочки по-прежнему молча рисовали.

«Ничего не случится. Я успею до темноты».

Быстро, пока не передумала, она прошла к входной двери и сняла с крючка плетёную сумку. Обулась, надела поверх платья накидку с длинными рукавами и взялась за дверную ручку.

– Хуана! Мария!

На кухне послышался звук отодвигаемых стульев, и через секунду дочери стояли рядом с Кристиной.

– Мне нужно сходить за продуктами. Закройте дверь и никого не пускайте, кроме меня. Вам ясно?

Девочки кивнули, но на сердце у Кристины было беспокойно.

– Никого! – повторила она и по очереди открыла все три замка – пальцы вновь задержались на том, что из серебра. Затворив за собой дверь, Кристина дождалась, пока все засовы не встали на место.

На улице она тут же встретилась взглядом со старухой Рамоной, которая сидела в кресле на крыльце дома напротив. Спрятав волосы под платком, а нижнюю губу под верхней, женщина смотрела на Кристину, покачивая головой. Возле соседнего дома Мануэль с сыном отвлеклись

от своих дел и проводили взглядами. Лаура, когда-то лучшая подруга, мелькнула в окне и спряталась за шторами от случайной беседы.

На всём пути до лавки старого Мигеля взгляды, взгляды, взгляды.

Сочувствие.

Ненависть.

Насмешка.

Сожаление...

В маленьких городках ничего не остаётся незамеченным. Если даже слова не прозвучат, то от взглядов никуда не деться.

«Однажды я уеду», – подумала Кристина в сотый, тысячный или миллионный раз. Расслабляющий эффект, который раньше приносила эта мысль, безнадежно пропал, но привычка осталась.

Старый Мигель долго возился, выискивая яйца, затем ковырялся с тестом, взвешивая его в руках и на весах. Морщинистые руки зарывались в пышное тесто, растягивали его, разделяли на куски и соединяли вновь. Кристина переминалась с ноги на ногу и смотрела в окно.

Солнце наполовину скрылось за горизонтом. Вот-вот на городок опустится тьма, а она всё ещё здесь. К тому времени, когда Мигель закончил, деньги успели пропотеть в руке.

Быстрым шагом Кристина двинулась обратно. Дома мелькали, в окнах горели огни, кое-где из труб шёл дым.

Сумерки вступили в Эль Пунто.

Возле входной двери Кристина простояла около минуты, прислушиваясь к звукам внутри дома. Искала силы, чтобы наконец-то поднять руку и постучать.

Три секунды ожидания. Шесть быстрых-быстрых ударов сердца. Один глубокий вдох.

– Входи, жена. Двери в нашем доме не заперты, – раздался из-за двери голос, который она так боялась услышать.

Кристина сглотнула. Пальцы задрожали и едва не выпустили из рук сумку с продуктами. Лишь в последний момент вцепились в неё, словно в попытке спастись.

Тщетно.

* * *

– Что ты собираешься готовить? Неужели эмпанату?

– Именно её.

– Отлично! Обожаю эмпанату. Как и дочери. Надеюсь, ты приготовишь её быстро. Мы голодны!

Кристина распаковывала продукты и не оборачивалась, чтобы не встретиться с Альехо взглядом. Пусть он остаётся бестелесным призраком, безжизненным голосом, страшным кошмаром.

Чужая рука легла на плечо и потянула за собой. Медленно, властно и не допуская малейшей мысли о сопротивлении. Кристина обернулась к Альехо – тот, как всегда, с нечёсанными всклокоченными волосами, щетиной и запахом затхлости и гнили. Сухие губы, на которых острыми колючими клочками запеклась корочка кожи, оказались рядом. Кристина покорно закрыла глаза и ответила на поцелуй. К счастью, он длился недолго.

– Это чтобы вдохновить тебя. Правда, дочери?

Девочки стояли за спиной Альехо, вперив взгляды в пол, однако покорно кивали в такт словам отца. Сердце привычно кольнуло, напомнив, ради кого приходится всё это терпеть.

«Как ему сказать?» – подумала Кристина.

– Боюсь, я буду готовить долго. Может, вы перекусите пока?

– Как можно?! Ты потратишь время, чтобы приготовить специальное блюдо, а мы не воздадим ему должное? Будем портить себе аппетит, чтобы после сдержанно благодарить вместо искренней похвалы? Нет-нет-нет! И я, и дочери потерпим. Ты так прекрасно готовишь эмпанату, что слава об этом разносится по всему Эль Пунто!

«Он знает, – поняла Кристина. – Ему недостаточно меня мучить, хочется ещё и унижить. Посмотреть, как буду выкручиваться. И опять он делает это на глазах у девочек».

– Если честно, эта эмпаната не для нас.

Брови Альехо подскочили вверх, а на лице расплзлась улыбка.

– И кто же счастливчик? Кому так повезло? Кто будет радоваться и наслаждаться, пока наши дочери питаются объедками?

Ему нравилось вставлять всюду «дочери». Выделял интонацией и катал это простое слово по языку, как иные катают глоток спиртного, чтобы его тщательно распробовать. Делал это так вкусно, что хотелось повторять.

У него всегда был прекрасный мурлыкающий голос и обворожительная улыбка. Когда-то давно Кристина пошла следом за этой улыбкой на звуки голоса и стала их рабой.

Вот только сейчас Альехо мог сколько угодно улыбаться и говорить любым голосом. Теперь-то он уже не обманет её. По крайней мере, если она сама того не захочет.

Кристина догадывалась, зачем всюду и везде звучат эти «дочери». Ради самого Альехо она бы ничего не сделала, но вот девочки...

– Серхио и Лоренсо попросили меня. В обмен они обещали принести дрова.

– О! Два молодых красавца лесоруба. Одинокие. Жаждающие тепла и ласки. Возможно, им хочется, чтобы у них тоже были дочери. Возможно, они хотят такую же красавицу жену, как у меня. Хотят, чтобы кто-то готовил им эмпанату. Ведь у кого-то бездельник-муж, который появляется так изредка, что о нём можно позабыть. И дров-то он никогда не принесёт.

Рука Альехо по-прежнему лежала на плече Кристины. Сейчас эта рука сжимала ключицу всё сильнее. И стоило огромных усилий сдержать гримасу боли.

– Не понимаю, о чём ты говоришь, – сказала Кристина и улыбнулась со второй попытки. – Мой муж достоин большего, чем ходить за дровами. Пусть лучше этим займутся те, кто ничего другого не умеет. Даже торговаться не научились. Где это видано – обменять кучу дров на пару пирогов.

Хватка ослабла, и Кристина усилием воли сдержалась, чтобы не сбросить чужую руку с больного плеча. Альехо ждал продолжения, и в любую минуту истязание могло возобновиться.

– К тому же из этих ингредиентов я смогу сделать эмпанату и для нас. Не очень большую, но должно хватить.

– Какая у меня замечательная жена! Мы обязательно подождём. Верно, дочери?

Кристина не видела, но догадывалась, что девочки по-прежнему смотрят в пол. Они не поднимали глаз в присутствии отца. Когда он гладил их по спине или ерошил им волосы, Кристина замечала, как им хочется свернуться в комочек и спрятаться.

Но они никогда так не делали. Девочки научились правильной тактике раньше, чем Кристина.

– Я пройдуся, – сказал Альехо. – Час или два. Нагуляю аппетит и вернусь очень и очень голодным. Мы сядем за стол и будем есть вкуснейшую эмпанату. Правильно?

– Правильно. Но скорее через два часа.

Она выдержала взгляд, а затем ещё один поцелуй. Смогла сохранить спокойствие и улыбку, хотя запах гнили проник в ноздри и кружил там, вызывая тошноту.

– Люблю свою жену, – Альехо улыбнулся. – И своих дочерей! – он повернулся к девочкам и притянул их к себе. Обнял, пробежался ладонями по спинам, словно почёсывая. – Помогайте матери и слушайте её! Скоро ужин!

Через секунду на кухне остался лишь запах гнили. А затем послышался скрип двери. Кристина еле удержалась, чтобы не броситься к ней и не дёрнуть все три засова разом. Провернуть ключи, завесить цепочкой... Она бы и заколотила эту дверь, если бы только могла!

– Почему вы впустили его! – сдерживаемые слёзы наконец-то брызнули из глаз. – Я же сказала вам! Я же приказала! Я же просила...

– Он входит сам, – сказала Мария, по-прежнему не поднимая взгляда. – Ему не страшны никакие запоры и амулеты. Он просто входит, если того хочет.

Кристина вздохнула. Она не верила, но должна была принять это. Изначально эта идея с оберегами выглядела сомнительной, но следовало проверить и попробовать.

– Вы – мои умнички, – сказала она, опускаясь рядом с дочерьми. Стоило ей погладить их, как они потянулись всем телом, ластясь к рукам, словно доверчивые котята. – Вы всё правильно сделали. Простите меня. Я не хотела вас ругать.

Кристина встала и вытерла слёзы. В очередной раз за сегодняшний вечер попыталась улыбнуться.

– А сейчас мы будем вместе готовить эмпанаду. Я вас научу.

* * *

К тому моменту, когда Альехо вернулся, Кристина закончила накрывать на стол. В центре стояла эмпанада – горячая, только что из духовки. Пришлось постараться, чтобы разделить продукты не на два, а на три пирога.

Впрочем, надо признать, у неё был стимул.

Альехо. Тот, от которого не убежать и не скрыться. Он исчезает, когда хочет, и появляется, когда ждёшь меньше всего. Ему невозможно отказать, ведь он знает, что ты согласишься.

Сейчас могло показаться, что кризис миновал. Альехо шутил и улыбался. Долго разглядывал рисунок девочек, то с одной стороны, то с другой, а потом сдержанно похвалил. Восторгался ужином и расточал комплименты.

Вёл себя как образцовый муж, которым никогда не являлся.

«У нас и свадьбы-то не было». – Кристина старалась, чтобы эта мысль не отразилась на лице. Кто знает, какими ещё талантами обладал Альехо.

После ужина он раздобыл настолько, что включил радиоприёмник, устроившись в кресле. Теперь у Кристины имелся в запасе час или около того, чтобы убрать со стола и уложить девочек спать. Или не сделать ни того и ни другого, а потом столкнуться с гневом Альехо. Однако за сегодня она достаточно рисковала.

Отправив девочек умываться и чистить зубы, Кристина собирала тарелки, а в голове привычно прокручивались способы избавления. Все они сводились к трём основным, допускающим варианты и сочетания – убийство, терпение и побег.

И столь же привычно Кристина отбрасывала их поочерёдно.

Она не способна на убийство. От взгляда Альехо, его улыбки, звуков вкрадчивого голоса нападает оцепенение. Но дело не только в них. Как-то Кристина около получаса сжимала ножницы в руках, нацелив острый край на шею Альехо. Но стоило ему чуть шевельнуться во сне, и она тотчас отбросила ножницы и скользнула под одеяло, дрожа от ужаса.

Терпения тоже не хватало. Да, он приходил не каждый день, но рано или поздно возвращался. С запахом гнили, лживой улыбкой и в курсе всех дел, что произошли в его отсутствие. Терпеть и ждать, что когда-нибудь Альехо не вернётся или же случится какое-то иное чудо... Если этого не происходило сотни раз в прошлом, то почему должно получиться в будущем? Теория вероятности слишком ненадёжная штука, пусть с каждым неудачным днём шансы Кристины и повышаются.

Ну а побег... с этим ещё сложнее. В маленьком городке тебе некуда уйти, кроме родительского дома, но именно здесь Кристина сейчас и находилась. Замужней женщине или считающейся таковой не к кому податься и не стоит рассчитывать на сочувствие или заступничество.

«Бог терпел и нам велел».

«Зато он у тебя не пьёт».

«Ты преувеличиваешь просто».

«Поживёшь и привыкнешь».

«Сама выбрала».

Но Кристина не выбирала! Однажды Альехо вошёл в её жизнь и не пожелал уходить. А она не смогла его прогнать. Хотя это тоже выбор. Неспособность... В том числе неспособность уйти. В любом месте мира Альехо не потеряет свою власть над ней. Стоит ему появиться, посмотреть в глаза, улыбнуться краешком губ, как он умеет, так вся решимость испарится.

И не стоило забывать о Хуане и Марии. Если уходить, то что будет с ними? Разве можно оставить их наедине с Альехо? Что их ждёт в таком случае? Нет-нет! Нельзя допустить, чтобы они остались с ним!

Помотав головой, Кристина тыльной стороной руки отвела прядь волос, которая застилала глаза. Руки бессильно опустились. К горлу подступил ком, который никак не удавалось сглотнуть. Когда наконец-то получилось, Кристина судорожно закашлялась.

В комнате заворочался Альехо. Отпущенный на свободу час подходил к концу. Как она потратила его? Как всегда – в думах о нелёгкой судьбе и о том, что не существует выхода из сложившегося положения.

– Жена! – крикнул Альехо из комнаты. – Где ты?

Ещё одна деталь, которая сначала доставляла удовольствие, но теперь раздражала с каждым разом всё больше. Не имя, не ласковое прозвище, а функция. Так он обращался к ней, когда требовал своего.

– Я тут! – отозвалась Кристина с покорной готовностью и ущипнула себя что есть силы, прогоняя наваждение.

Альехо появился на кухне через минуту. Глаза его бегали по сторонам. В голосе наливалась сладкая обманчивая мягкость. В предчувствии неизбежного Кристину трясло. Губы дрожали, а застывший в горле крик всё никак не желал выбраться на волю. Она сделала шаг к окну, но тут Альехо подошёл ближе и протянул руку.

– Куда же ты? – он улыбнулся ласково. – Я понимаю, что ты устала, но ведь это не повод скрываться от мужа. Ну-ну... не печалься. Всё поправимо. Всё...

И вот они неуволнимым образом оказались на лестнице. Альехо шептал ей успокаивающие слова и вёл наверх. Его рука пару раз пробежала по спине, даруя спокойствие и... отвращение.

Усталость охватила Кристину, и она не сопротивлялась больше. Позволила отвести себя в комнату, а оказавшись там, принялась покорно раздеваться.

Когда всё закончилось, минутами-годами спустя, Кристина лежала затылком на плече Альехо и смотрела в потолок. Пальцы левой руки зарывались в густой мужской волос на его груди. В голове, пересекая коридоры пустоты, бродила одна лишь мысль:

«Я не могу здесь больше оставаться!»

* * *

Цепочка ударов в груди пробудила Кристину среди ночи.

Тук-тук! Тук-тук! Тук-тук!

Будто кролик отстукивал задними лапами сообщение о надвигающейся опасности.

Кристина охнула, перекатилась на спину и лишь тогда осознала, что это стук её сердца. Она задышала медленно и глубоко. Несколько секунд продолжалась борьба, и волны паники постепенно отступили. О спокойствии не было и речи, но хватило сил, чтобы сесть на кровати и вспомнить, где она находится.

Тёмная комната и полоска лунного света, пробивающаяся через неплотно задёрнутые шторы. Изредка она перечёркивалась стремительными тенями, а после вновь возвращалась к недвижимому состоянию. В спёртом воздухе пахло гнилью.

Альехо лежал рядом – недвижимый и спокойный. На секунду показалось, что страхам пришёл конец, но вот его грудь медленно поднялась и опустилась.

Кристина встала, пошатываясь. От каждого движения к горлу подступал тошнотворный ком. Она стояла и смотрела на Альехо, ожидая, что он вот-вот откроет глаза и спросит: «Жена, зачем ты встала ночью?» После Кристина что-то промямлит и покорно вернётся в кровать...

«Этого не будет!»

Медленно, почти беззвучно Кристина открыла створку шкафа и на ощупь выхватила необходимое. Но лишь стоило двинуться к двери, как Альехо зашевелился во сне и пошарил рукой рядом с собой. Кристина замерла, наблюдая за шевелящейся рукой, как испуганный зверёк за танцем кобры.

Вот ладонь прошла по тому месту, где она только что лежала. Скользнула по простыне, которая наверняка ещё хранила её тепло и запах. Наткнулась на подушку. Погладила её пару раз. А затем вдруг подхватила... и притянула в объятия.

Обычно таким образом он прижимал к себе Кристину. Иной раз настолько сильно, что не пошевелился. Но сегодня сердце предупредило о приближении угрозы заранее, и Кристина вовремя сумела избежать ловушки.

На первом этаже она по-быстрому оделась – тёплые штаны, просторная рубаша из толстой ткани и вязаная кофта. Сняв с крючка у двери сумку, Кристина принялась набивать её тем, что могло пригодиться. Две эмпакиды для Серхио и Лоренсо – в конце концов, дрова ей теперь не понадобятся. Остатки денег, рассованные по разным местам – некоторые из тайников оказались пусты, но другая часть принесла даже больше, чем Кристина ожидала. Тёплая накидка, документы и те несколько колец и серёжек, которые можно продать.

Собравшись, Кристина замерла. Осознание того, что она собирается покинуть не только дом, но и всю прошлую жизнь, накатило одним комом, заставив руки трястись.

Прощаться с Альехо – это радость. Покинуть Эль Пунто – необходимость. Но почему она не вспомнила о дочках?! Как можно так просто расстаться с частью самой себя?

«Проще уйти, – сказал внутренний голос. – Отвернуться и забыть. Когда-нибудь, набравшись сил и решимости, ты вернёшься. А пока – пусть поживут с отцом. Ты достаточно потратила времени на их воспитание. Теперь его очередь. В конце концов, он их не обидит, а люди помогут».

Голос имел неприятные нотки Альехо. И оттого всё, что он говорил, оборачивалось обманом. Люди не помогут, как не помогли ей. Страшное не случится – оно происходит каждый день. А сама Кристина никогда не вернётся, даже если ей скажут, что Альехо мёртв.

И быстро, пока не передумала, она подошла к спальне дочерей и отворила дверь в комнату.

Девочки не спали. Сидели на кроватях одетые и с собранными сумками...

– Наконец-то, – сказала Мария. – Ты пылаешь решимостью. Ты уведёшь нас отсюда сегодня.

– Но... ваш отец... Наверняка он будет несчастлив, если вы уедете.

Столкнувшись с таким напором, Кристина на секунду пожалела, что не сбежала, однако тут же укорила себя за это.

– Нет! Он хочет этого. Мы делаем его слабым. Ты и мы. Он всё заставляет и заставляет нас уйти.

– Что?

Кристина пошатнулась и схватилась за дверной косяк. Что они говорят? Неужели подобное возможно? Зачем Альехо это делать?

– Зачем ему это? – голос задрожал и скатился до шёпота.

– Потому что мы застряли здесь и держим его.

– Но сегодня мы наконец-то решимся, – сказала Хуана. – Ты решишься.

Эти слова, сказанные с убеждённой уверенностью, которой Кристина не чувствовала, разрешили оставшиеся сомнения. Никакой логики, но её уже и не требовалось.

Кристина ещё раз посмотрела на дочерей, теперь уже внимательней. Длинные сарафаны, надетые поверх них куртки, башмаки с удобной подошвой. Что у них в сумках, проверять не стала. Не так важно, если задуматься. Они ведь не в поход отправляются, а просто уходят навсегда.

Возле входной двери она сделала ещё одну попытку, но уже скорее по инерции:

– Если уйдём сейчас, то уже никогда не вернёмся. Вы точно этого хотите?

– Мы хотим того же, что и ты, – ответила Мария.

На секунду рука Кристины дрогнула, но потом она всё же толкнула дверь наружу.

К свободе.

* * *

– Мы доедем до города, – рассказывала Кристина. – Или дойдём. Там сядем на поезд и уедем ещё дальше. Возможно, переберёмся через океан. В Аргентину или Уругвай. Заберёмся так далеко, насколько хватит сил. Найдём небольшой домик. Я буду работать, а вы пойдёте в школу. В какой-то момент вырастите и выйдете замуж. Мы переедем в дом побольше. Я буду сидеть с вашими детьми, готовить еду и ковыряться в саду. А вы будете жить полной жизнью.

То, что это звучало как сказка, Кристину не смущало. Ей казалось, что ещё совсем недавно в её реальности никогда не будет свободы, но это случилось. А за одним чудом могло последовать второе или третье.

Мизерность шансов их не отменяет.

– Всё будет так, как ты хочешь, – сказала Хуана.

И хотя голос её прозвучал холодно, похоже на предсказание и дыхание фатальности, но Кристина почувствовала воодушевление. Пронизывающий ночной воздух, долгая ночная дорога и отсутствие внятных перспектив... это всё ерунда.

Тем временем из темноты выплыл силуэт, заставивший Кристину вздрогнуть. Но уже через секунду страх отпустил – неизвестность обернулась старым пикапом, который стоял на обочине рядом с указателем на Эль Пунто. Подойдя ближе, Кристина увидела, что все четыре колеса машины спущены.

План родился из чувства свободы и ожидания чуда. Он основывался на множестве совпадений, но стоило начать действовать, как они тут же принялись случаться одно за другим. Будто давно желали проявить себя в этой реальности.

Она потянула за ручку двери, и та открылась. Забралась на водительское место и обнаружила ключи в замке. Завела машину, и мотор послушно заурчал. Конечно, нечего и думать, чтобы ехать, пусть даже медленно, но она включила весь свет, который только смогла.

Кристина вылезла из машины и огляделась. Девочки рассматривали пикап молчаливо и сосредоточенно. В ответ на их взгляды Кристина пожала плечами:

– Повезло с ключами.

Дочери некоторое время смотрели на неё, а затем чуть улыбнулись.

– Ты всегда хорошо обращаешься с машинами, – сказала Мария.

– Вовсе нет, – Кристина отмахнулась. – Никогда даже за рулём не сидела.

В висках неожиданно кольнуло, но едва она попыталась сконцентрироваться на этом чувстве, как её одёрнули.

– Кто-то едет, – Мария ткнула пальцем в сторону дороги.

Приближающийся автомобиль замедлил ход, миновал пикап и остановился. Полноватый, но ещё не тучный мужчина с короткой бородой вылез из машины. Одет он был в простые джинсы и футболку. При ходьбе слегка переваливался с ноги на ногу и почему-то не пытался закрыться от света фар, а лишь смотрел чуть в сторону спокойно и сосредоточенно.

– Вы нам поможете? – спросила Кристина, когда он подошёл ближе.

Мужчина пожал плечами. Подойдя к пикапу, обошёл его по кругу, смотря на каждое колесо и качая головой. Кристина следовала за ним, не решаясь заговорить. Казалось, неосторожное слово может повернуть удачу не в ту сторону.

Наконец мужчина остановился возле капота пикапа и опёрся на него одной рукой.

– А вы, я смотрю, всё делаете основательно, – он покачал головой. – Четыре прокола сразу! Это же никак не починить на месте.

– Я понимаю, – Кристина кивнула. – Но тогда доведите нас до города. Мы там переночуем и вызовем ремонтников. Если, конечно, вас не затруднит. Я заплачу...

– А чем вас не устраивает этот город? – незнакомец кивнул на табличку «Эль Пунто». – Всего два километра. Вы могли и дойти.

Кристина на секунду почувствовала дрожь в левой руке и спрятала её за спину. «Всё в порядке, – сказала она себе. – Это очень логичный вопрос. И надо дать на него такой же логичный ответ».

– Это случилось совсем недавно, – сказала Кристина. – Мы решили подождать на дороге, вдруг повезёт.

– Капот холодный, – мужчина покачал головой. – Мотор даже не успел нагреться.

– Ночами здесь дует промозглый ветер.

Незнакомец ничего не ответил. Взгляд его снова пробежался по Кристине. Цепко, но не вызывающе.

«Я бы тоже насторожилась при такой встрече, – подумала Кристина. – Я обманываю его. Некоторые люди умеют это чувствовать. Альехо, например...»

– Я могу заехать в автосервис. Дальше по дороге есть круглосуточная контора. Они пришлют эвакуатор, дотащат вас к себе, а там уже починят. Хотя, думаю, придётся менять резину. В некоторых местах она в куски.

– Я бы всё-таки хотела попасть в город, – Кристина надеялась, что паника не просочилась в голос. – Мои дочери... им следует отдохнуть. Девочки слишком устали, чтобы ждать ещё и автомастерскую. К тому же... нам завтра надо быть далеко отсюда. Если с машиной всё затянется, то мы придумаем что-нибудь другое.

Мужчина отвернулся от Кристины и посмотрел на девочек. Они стояли тихо, сжавшись в комки, словно их тут и не было. За всё время не произнесли ни слова.

– Она очень торопится. Вы – тоже? – спросил незнакомец.

– Да, – ответила Мария. – Мы очень торопимся.

– Нам нужно многое успеть, – вторила ей Хуана.

Кристина шумно выдохнула. Девочки всё сделали как надо.

– Ладно, – сказал мужчина и хмыкнул. – Садитесь в машину. Подброшу вас до города.

Она едва удержалась, чтобы не обнять незнакомца, но тут же себя одёрнула: «Надо оставаться настороже и не делать ничего подозрительного. Кто его знает, что он ещё может спросить».

Чужая машина походила на вытянутый в длину угловатый ящик чёрного цвета. Даже окна казались затянуты мраком. Впрочем, автомобиль выглядел скорее дешёвым, чем страшным.

Кристина жалела лишь об одном – нет времени и возможности поговорить с Марией и Хуаной и придумать одну версию событий. Оставалось надеяться, что девочки подыграют так же, как сделали это минутой ранее. В конце концов, они ведь тоже не хотят возвращаться к Альехо.

Возможно, даже сильнее, чем Кристина.

* * *

В машине пахло застарелым потом и выдохшимся пивом. Пустые банки из-под него валялись под ногами и на каждой кочке или повороте сталкивались с глухим звуком. Кристина и девочки сидели на заднем сиденье, тесно прижавшись друг к другу, и вздрагивали каждый раз, когда это происходило.

Однако постепенно напряжение спадало, принося взамен желанную расслабленность. Глядя на освещаемый фарами участок дороги, Кристина едва не провалилась в сон, и лишь резкий манёвр машины заставил её прийти в себя.

«Где тот автосервис, о котором шла речь? Почему его всё нет и нет?» – она наклонилась вперёд, чтобы спросить об этом, но тут машина притормозила и свернула с дороги. Маленькое строение впереди походило скорее на одинокий домишко или сарай.

– Куда мы едем? – спросила Кристина.

– Это мой дом, – сказал мужчина сквозь зубы. – Нужно кое-что поставить в холодильник, а то испортится. Не волнуйтесь, это не займёт много времени.

– Вы не говорили, что мы будем куда-то заезжать.

– Вы никуда и не будете. Только я заеду. У вас по-прежнему есть выбор – можете идти пешком. До автосервиса осталось километров десять. Через час-два дойдёте. Мне тогда и ехать никуда не придётся.

Кристина сглотнула. Двухчасовая прогулка? Она, скорее всего, выдержит. Ну а дочери? Смогут ли они?

Повернув голову, Кристина увидела, что те уже спят. Мария откинулась назад, под закрытыми веками видно было, как бегают глаза. Хуана обняла сумку и положила на неё голову.

Разбудить их и заставить идти пешком по темноте только потому, что у неё какие-то подозрения? Да что она за мать-то, в конце концов?!

Поймав в зеркале заднего вида взгляд мужчины, Кристина выдавила из себя улыбку.

– Говорите, это быстро?

– Минут пять, – в голосе мужчины послышалась жалость. – Только занести кое-что в дом. Скрип сиденья. Хлопок двери. Грузные шаркающие шаги.

– Он нас убьёт, – раздался вдруг голос Хуаны.

Кристина быстро повернулась к ней и увидела чистый ясный взгляд, в котором не было и тени сна.

– Глупости какие-то говоришь, – Кристина постаралась, чтобы прозвучало бесечно. – Он и брать-то нас не хотел. И сейчас предложил идти пешком.

– Ему надо понять, как сильно мы хотим поехать с ним. На что готовы, чтобы обратиться из Эль Пунто, – теперь заговорила Мария. – Он ничего не забрал из машины, чтобы занести в дом, как говорил.

Самым пугающим был тон сказанного – спокойный и уверенный. Будто бы ничего важного не происходит. Так, обычный разговор. Мало походило на игру, шутку или выдумку.

Но и счесть это правдой никак не получалось.

«Я могу убежать, – подумала Кристина, тем не менее. – Рвануть со всей силы. Выбраться на шоссе. Найти помощь, а потом вернуться и спасти... если будет кого спасать. Я бегаю быстрее, чем девочки. Это единственный шанс, если всё так...»

«Дочки, дочки, дочки... наши прелестные дочки. Они ведь прекрасны, не так ли? Они – это последнее, чем я бы пожертвовал. Со мной они были бы в безопасности, жена», – голос Альехо в голове словно открыл дверь, сквозь которую хлынула паника.

– Бегите! – почти простонала Кристина. – Бегите и спрячьтесь. Если я не появлюсь через полчаса, то уходите отсюда и не возвращайтесь. Если найдёте полицию, сообщите об этом человеке. Но не возвращайтесь сюда сами! Вы должны выжить! Вы...

– ...Успокойся, – сказала Хуана, и её холодный рассудительный голос походил на пощёчину. – Мы ещё увидимся, когда ты станешь сильнее.

Шелест одежды. Лёгкие щелчки дверей – открыть и закрыть. Тихие и быстрые шаги, исчезающие во тьме.

Кристина осталась одна в машине. Отчаяние подступило с новой силой. Мысли забежали в голову без остановки.

Бежать.

Защищаться.

Обмануть.

Сразиться.

Пожертвовать.

Выгрызть своё...

Слова без чего-то существенного в руках выглядели жалко.

Кристина покопалась под ногами – кроме банок ничего. Взглянула на окно – в доме горит свет и видно, как перемещается тень. Тогда она наклонилась вперёд и подцепила бардачок – пачка салфеток, пустой блистер от таблеток и зажигалка.

Кристина схватила последнюю и спрятала в кулаке. Попробовала, как он сжимается. Усмехнулась мысленно, но тело обмануть не удалось – мышцы дрожали от напряжения.

«Может, выйти из машины? На открытом пространстве больше шансов если не убежать или победить, то хотя бы дольше продержаться».

Кристина едва успела вылезти, как сильный удар в висок уронил её на землю. Упав, она оказалась напротив окна. Тень по-прежнему была там и по-прежнему покачивалась, вот только слишком уж однообразно, если задуматься. Да и вовсе не походила на тень живого человека.

Ну а тот был уже рядом. Кристина слышала его дыхание. А затем последовал ещё один удар под дых, который отбросил её на метр. Незнакомец выглядел тучным, но под этим жиром скрывались мускулы.

Или же безумие придавало ему сил?

– За что? – простонала Кристина.

– Врать – нехорошо, – ответил незнакомец. – Я проезжал днём по этой дороге. Безжизненная машина, в которой никого нет. Стоит и греется на солнце. Собирался завтра утром утащить её, если никто так и не заберёт. А ты говоришь – всё случилось недавно.

Кристина попыталась встать, но незнакомец не стал дожидаться. Ещё один сильный удар – на этот раз в затылок. В голове зашумело, а в глазах заплескали огоньки. Кристина вновь упала, и сил подняться больше не было.

– Ещё ты сбежала от мужа. Что хуже – позволила вовлечь себя в игру и решать чужие судьбы. Тебе двадцать пять, а девочкам сколько? Вот то-то же.

– Я не понимаю. – Кристина думала, что сказала, но почувствовала лишь шевеление губ. Впрочем, незнакомец её услышал.

– Конечно, не понимаешь, – он вздохнул и присел рядом с Кристиной. В руке у него что-то блеснуло. – Но это вопрос времени.

Рука мужчины поднялась. Глядя на зависший над ней нож, Кристина лишь могла лениво перебирать мысли. Даже ужаса не осталось, чтобы дёргаться и сопротивляться.

А может, это вера в девочек? Хуана же сказала, что они увидятся...

«Но она не сказала, что вы сделаете это сегодня. И она не сказала, что они вернутся. Она сказала всего лишь, что вы увидите. И что тебе надо быть...»

– Я – сильная, – пробормотала Кристина.

– Пока ещё нет, – сказал незнакомец.

Нож опустился.

Найти себя

Разум ожил только к обеду. А придя в себя, начал тут же анализировать происходящее в попытке хоть как-то привязать это к реальности. Построить пусть шаткую, но опору. Встать на неё и закрепиться. Вбить клин в разлом действительности.

Даже не перечитывая запись мартовского сна, я знала, что это тот же город с говорящим названием Эль Пунто. И что там те же самые девочки, пусть и слегка изменившиеся. Да, сам персонаж во сне тоже изменился, но...

На этом всё заканчивалось. Я не знала, кто показывает мне этот сон. Не знала, зачем это делается, и не понимала, кто же действующие лица и чего они хотят. А ещё было мерзко, потому что прошлый сон походил на жёсткий триллер с неожиданной концовкой, а этот пахивал экзистенциальной драмой. Знакомой до боли бытовухой, которую каждый видел в жизни, пусть даже и старался отвернуться в другую сторону, чтобы не замечать происходящего за стеной.

Даже от воспоминаний становилось тошно.

Почему я это увидела? Потому что поссорилась с Вельгорской? Потому что предала себя и повела как жертва домашних тиранов? Потому что работа на полную ставку это не моё?

День прошёл как в тумане. Я его почти не запомнила. Ночью промучилась бессонницей, ворочаясь на кровати. Хорошо, что начались выходные, а то пришлось бы отпрашиваться с работы – трясло только от мысли неожиданно встретить Вельгорскую.

В субботу я прогулялась в кафе. Затем сходила на каток. Под вечер забралась в бар, весь вечер слушала музыку и смотрела на веселящихся людей. Хотелось, чтобы вокруг царили яркие эмоции, а не серая тоска безнадёги.

Воскресенье провела дома. В конце концов, пора свадеб уже вот-вот начинается, а у меня и заказов-то толком нет. Как итог – до поздней ночи продумывала, какую концепцию в этот раз предложить и как бы так определиться с ценой – чтобы не сильно дорого, но и не продешевить.

Ничего не помогло. В понедельник утром я проснулась такой же разбитой и подавленной.

* * *

Я бежала к свободе. Сжимала в одной руке камеру, а в другой сумку и самым натуральнейшим образом мчалась по городу. Словно следом гонится убийца или даже стая убийц. Останови меня какой-нибудь прохожий, я бы первым делом закричала, а вторым постаралась бы врезать ему и убежать. И не стала бы разбираться: хотел он помочь или что-то другое.

Вот уже неделю меня преследовал ужасный флёр сна. Он тянулся невидимой дымкой и никак не хотел отпустить, где бы я ни оказывалась – в толпе, одна наедине с собой, в тишине природы или шуме мегаполиса.

Еда казалась безвкусной, краски – блёклыми, а запахи – отвратительными. Попеременно то тошнило, то сдавливало грудь, а то сердце начинало бить в барабан. И когда это состояние достигло того предела, что я всерьёз начала рассматривать идею обратиться в больницу – может, даже психиатрическую, – наконец-то отпустило.

Это походило на сильный удар – перед глазами всё плывёт, ты не понимаешь, что происходит. Однако после мир проясняется, и ты с удивлением обнаруживаешь, что ничего страшного не произошло. Ты жив, у тебя есть работа, где-то далеко – но в пределах одного дня пути – есть семья и люди, которым ты небезразлична. Крыша над головой, интересные увлечения и целый мир перед глазами – всё это настоящее и никуда не собирается деваться. И взамен депрессивному скованному состоянию вдруг приходит невероятная радость. Кажется,

что живой человек не может настолько быть счастливым, но у тебя получается. А ведь всего ничего понадобилось – вернуть то, что отняли. Возможность жить и радоваться.

А ещё я обнаружила, что наступила весна. Повсюду журчали ручьи тающего снега. На деревьях полным-полно почек и некоторые, казалось, вот-вот готовы распуститься. Солнце светило холодно, но ярко.

И тогда я пошла снимать историю весны. Без вспышки и фильтров – только то, что происходит на самом деле. В том настроении всё открывалось с новой стороны.

Ледоход на реке и люди, бросающие на него мимолётные взгляды.

Птицы пьют воду из лужи, усевшись идеальным кругом.

Дети в резиновых сапогах, и штурм тающей ледяной горки.

Облака, прикрывающие наготу солнца.

Старинная церковь на фоне чадающих заводских труб.

Если бы я могла, то расцеловала бы весь мир просто за то, что он есть. Бездонный и необъятный, готовый открыть для тебя все тайны, если ты пообещаешь, что будешь внимательно смотреть и не задавать лишних вопросов, которые могут спугнуть волшебство.

Эйфория продолжалась дня три, а потом сгинула. Будто поняла, что ошиблась адресом.

Люди вокруг

Погода испортилась, завернув город на несколько дней в сумрачные облака и пронизывающий холодный ветер. Маятник настроения качнулся в обратную сторону, и меня захватила хандра.

Не хотелось бежать или страдать. Просто ни с того ни с сего я начинала плакать. Слезы текли ровно, сами собой. Никаких всхлипов или эмоций. Только тоска, горечь и чувство безысходности.

Эти три товарища сопровождали меня несколько дней. Не давали нормально есть и работать. Стоило больших трудов заставить себя делать хоть что-нибудь. Я постоянно застывала в одной позе и не видела перед собой ничего. Время проносилось почти осязаемо, всё ускоряясь и ускоряясь, пока я не выдёргивала себя из оцепенения, обнаружив, к примеру, что простояла с протянутой к принтеру рукой около полчаса.

В один из таких моментов зашла Евгения. Она считалась секретарём Ивана Александровича, хотя числилась техником. Но, как позже выяснилось, была той самой девочкой, которая умеет всё организовывать самым наилучшим образом. Вот и меня организовала. Оценила ситуацию в пару секунд и сказала:

– Я собираюсь разобрать архив. Пойдём, поможешь.

И мы пошли таскать тяжёлые папки с пыльными бумагами. Евгения непостижимым для меня образом определяла, что стоит оставить, а что следует немедленно скормить шредеру. Затем мы переклеивали на папку корешок, делали пометку в номенклатуре и переходили к следующему шкафу. До конца рабочего дня успели разобрать едва ли четверть архива, но я уже так втянулась, что отложила бумаги в сторону с неподдельным сожалением.

Монотонная простая работа успокаивала, а присутствие Евгении каким-то образом стабилизовало мир, словно бы она и его умела организовывать самым лучшим образом.

– Не бери Вельгорскую в голову. Просто одинокая женщина с дурацким характером. Наверное, когда-то ей не повезло в жизни, но это не повод так из-за неё убиваться, – сказала Евгения, закрывая архив. А потом вдруг прищурилась: – Слушай, ты, часом, в маджонг не играешь?

– Смотря по каким правилам, – осторожно ответила я, надеясь, что подразумевается не компьютерная забава по принципу «найди пару», а действительно то, о чём я думаю.

– Не важно, – она махнула рукой. – Главное – понимать сам принцип. Панг от конга отличишь?

– Конечно, – я улыбнулась впервые за сегодняшний день. – И даже, если поднапрягусь, вспомню все необходимые кости, чтобы четыре наслаждения вошли в мою дверь.

– Тогда у тебя сегодня и вечер занят. Пошли. У нас один человек заболел.

И я действительно с ней пошла. Потому что рядом с Евгенией всё казалось простым и понятным. И никаких кошмаров с экзистенциальными проблемами.

Может, она на меня повлияла, а может, я просто устала уже от переживаний, но до конца апреля перепадов настроения больше не случалось. Всё вокруг казалось скучным и монотонным, но я радовалась этому состоянию, как давнему другу, с которым давно не виделись.

Весна продолжала набирать обороты, и город из серого постепенно превращался в зелёный. В солнечные дни я выезжала с Лидией Анатольевной, которая рассказывала основные правила съёмок на стройках. Возвращалась и работала с Мариной над рекламными буклетами. Иной раз вызывал Борис Аркадьевич и выстраивал передо мной очередную бригаду для фотографий на пропуске. Даже Иван Александрович находил время и заходил поведать.

Ну а вечера я чаще проводила с Евгенией. У неё на каждый случай были особые друзья, которые между собой редко пересекались. С кем-то играла в маджонг, с кем-то ходила в кино,

с кем-то любила посидеть на кухне за чашечкой чая и разговорами ни о чём. Я тоже стала особой компанией, правда, так и не определилась, к какой же группе меня причислить.

Из стопки книг взяла «Дом духов» Исабель Альенде, но опять ничего не прочитала, кроме первой страницы. И даже таинственный «*Баррабас появился в доме, приплыв по морю*» не возбудил любопытства, чтобы выяснить, что же с ним случилось и не был ли он тем самым Карабасом.

Май

Столкновение с реальным

В тот год природа твёрдо решила следовать календарю и уже в начале мая устроила буйство зелени, солнечные дни, певчих птиц и тёплые ночи. К сожалению, громоздкая коммунальная машина от календаря также не отступала, а потому отопление отключать не спешила. «В соответствии с графиком», – прокомментировала администрация города.

По такому случаю дома оказалось жарче, чем на улице. Тем, у кого горизонтальная разводка отопления или собственные котельные, повезло, а остальные были вынуждены как-то мириться с происходящим. В том числе и я. Распахнутые настежь окна кое-как помогали, но тёплые вечера всё чаще удерживали парочки и компании на улице, так что в раскрытое окно, даже на верхние этажи, доносились разговоры, признания, ссоры и просто хорошее настроение. Всё это – особенно последнее! – часто выражалось громкими криками, песнями и восхищёнными междометиями.

Но я особенно не обижалась. Иной раз собравшиеся затевали философские диспуты, и я хоть так узнавала, что же происходит в мире, потому как с чтением новостей в моей жизни не заладилось очень давно. Лет в пятнадцать. Тогда как раз вышла новая версия мультфильма, где четыре черепахи, огромная крыса, кабан, носорог и прочие странные личности постоянно выясняли отношения. Сначала это казалось интересным, но потом у сценаристов закончилась фантазия, и дальнейшее действие выглядело примерно так: облить нечто обычное мутагеном, получить монстра, обвинить во всех смертных грехах, победить. И так на протяжении нескольких сезонов!

Новости – а особенно политические – всех видов и направленностей очень напоминали мне этот сериал.

С момента апрельского кошмара прошла уйма времени, а мне по-прежнему везло – сны, если и были, в памяти не задерживались и на настроение не влияли. Жизнь текла спокойно и радостно. Даже на работе наконец-то начало происходить что-то новое – начались выездные фотосессии домов.

Марину назначили руководить, меня – подчиняться, а снабженца Владимира на служебном «Ларгусе» – оказывать нам транспортные услуги. Лидия Анатольевна долго и в красках инструктировала, а Борис Аркадьевич ограничился тем, что выдал нам универсальный пропуск за своей подписью, чтобы никто из охранников нас не трогал. Правда, он так многозначительно кивал при этом и закатывал глаза, что я чувствовала себя Миледи, которую кардинал Ришелье отправил за подвесками.

* * *

Сумка с объективами и аккумуляторами оттягивала одно плечо, на втором висел рабочий «Кэнон». Свой родной «Никон» я несла в руках – хотелось иметь что-то, чем я могла пользоваться даже с закрытыми глазами. У Марины была план-схема с набросками текстовых блоков и пожеланием того, что нужно сфотографировать. Хотя, судя по её настроению, ориентироваться следовало по обстоятельствам.

Примерно полчаса ушло, чтобы определить места, в которых в кадр не попадает ничего лишнего. Например, разбитая дорога, которая будет сделана как-нибудь потом. Или строительные вагончики и фундаменты будущих «человеиников», окружающие уже почти готовый дом.

А ещё никаких строителей, никакой незаконченной отделки и гор мусора, который обязательно вывезут, но уже ближе к сдаче дома. Или после. А может, и никогда. Тут как повезёт.

При этом в кадре обязательно должна оказаться берёзовая роща, которую срубят через пару лет, потому что «это тоже наша земля, но там пока проектирование идёт». Та часть детской площадки, на которой сгрудили все карусели, чтобы потом раскидать по территории в четыре раза больше. Ну и, разумеется, подземный паркинг, у которого «есть некоторые проблемы с гидроизоляцией, так что хорошо, что давно дождей не было».

Я ходила от одного места к другому, по очереди доставая то «Кэнон», то «Никон». Регулировала настройки, отслеживала перемещение солнца и старалась зацепить больше облаков, чтобы придать заднему плану объёмности. Различия между фотоаппаратами казались незначительными и на маленьком экранчике даже незаметными. Однако я этому не доверяла. Маленькие экранчики слишком часто в моей жизни превращались в ситуации, когда по два-три часа сидишь и обрабатываешь фотографию, чтобы выжать хотя бы половину исходного потенциала.

Марина ходила рядом, периодически вздыхала и беззлобно ругалась на подрядчиков, потому что они опять отставали от графика, а начальство дату сдачи переносить не намерено. Сказано – четвёртый квартал, значит, будет четвёртый квартал. Половина квартир уже продана, как и треть мест на паркинге.

«Вот в том помещении будет продуктовый, его надо сфотографировать, а вот здесь планируется частный детский сад, его пока не трогай. К местам для продуктов и местам для детей у людей разная степень психологической восприимчивости. В конце концов, в мелких киосках все что-нибудь покупали».

Наконец память обеих камер заполнилась. Дополнительные флешки лежали в сумке, но мы решили сделать перерыв. Заодно и подождать, пока солнце переместится за дом, чтобы снять немного другие планы. Живое освещение всегда лучше обработанного, но надо уметь его выбирать.

Сидеть на детской площадке под взглядами строителей и нюхать пыль не хотелось, так что мы пошли в берёзовую рощу. Решили найти полянку или, на худой конец, парочку пеньков. К тому же бутерброды и чай из термоса, которые прихватила Марина, можно есть и стоя.

– Тебя это не смущает вообще? – спросила она, когда мы начали свой путь среди берёз. – То, что мы показываем всё не совсем так, как оно есть.

– Нет, – я покачала головой. – Я ведь на свадьбах работаю. На корпоративах. Съёмки индивидуальные. А потом сижу и обрабатываю, чтобы тут убрать морщинку, тут родинку, тут лоснящиеся от жира щёки уменьшить, а здесь чуть увеличить грудь. Фотография не имеет отношения к действительности. Это такая хитрая уловка, о которой все знают. Каждый человек хочет на фото выглядеть лучше, чем есть на самом деле, но при этом почти все уверены, что получают отвратительно. В общем, кто хочет увидеть всё своими глазами, тот придет и посмотрит. Я так считаю.

– Здоровый рабочий цинизм. Не, ну а чё? Я не против. – Марина кивнула. – Примерно так же думаю – я ведь не вру, я просто недоговариваю. Можно обратиться к специалистам и понять, что так быстро эти здания не делаются, а квартиры с таким уровнем ремонта столько стоять не могут, если только не экономить на чём-то другом.

– Мы всегда всё понимаем, если дело касается других. Но каждый надеется на халяву для себя, – я улыбнулась.

– Вот-вот. Но насчёт домов – не надейся. Покупая квартиру в новостройке, будь готова ко всему. Лучше, конечно, лет пять подождать, пока дом усядется. Если никакие проблемы не вылезут, тогда бери.

Я лишь улыбнулась. С моей зарплатой мечтать о квартирах не приходилось. К тому же, чтобы назвать место домом, мне многого не требовалось. А вот чтобы считать его обузой...

К примеру, я никогда не могла понять людей, которые вступают в ипотеку. Платить несколько десятков лет. Вкладывать в эту квартиру деньги, труды, эмоции. И постоянно бояться, что ты не сможешь заплатить и у тебя всё отнимут. Просрочишь платёж и навеки станешь изгоем. Человеком без перспектив и доверия. И поместят тебя в реестр «недобросовестных».

Ну и как жить с этим страхом? Как выбирать себе путь? Как не бояться рисковать? Как идти вперёд, если самое лучшее – держаться за своё место, пока не расплатишься. А тогда больше ничего не нужно. Наступает пустота, которую нечем заполнить. И, не зная других путей, ты идёшь и покупаешь ещё одну квартиру. Или машину. В кредит или ипотеку. Иначе теперь не умеешь.

Впрочем, это были мои личные заморочки. Делиться ими с Мариной я не стала.

* * *

Мы зашли в глубь рощи, чтобы не видеть дорогу, стройку и вообще город. Будто бы такой островок леса. И если не знать о его пределах, то можно представить, что он тянется далеко-далеко.

Выбрав подходящее место, мы расправились с бутербродами, которые оказались не традиционными хлеб-колбаса, а мини-рулетами из лаваша, творожного сыра и сёмги. Да и чай не просто чёрный, а с лёгким привкусом смородины.

За такой божественный и – самое главное! – неожиданный пикник я решила Марину отблагодарить.

– Становись, – сказала ей, когда с едой было покончено. – Я тебя сейчас среди деревьев фотографировать буду. У тебя коса и нарядный сарафан. Сейчас мигом образ русской красавицы в обнимку с берёзками сделаем. А что волосы наполовину выкрашенные – так ничего. Постмодерн, и всё в таком духе.

Марина вдруг неуловимо переменялась. Передо мной стояла не «своя девчонка», с которой можно поболтать о чём угодно, а дикая кошка, приготовившаяся к прыжку. Она ещё пока выглядела спокойной и вроде бы даже двигалась с некоторой ленцой, но на деле лишь ждала условного сигнала, чтобы кинуться... на меня или от меня – это, кажется, она ещё не определилась.

– Зачем это? – спросила она с улыбкой. Если не чувствовать того малейшего колебания, то можно даже представить, что ничего и не случилось.

Но я чувствовала. Или воображала, что что-то чувствую. И потому решила слегка отступить.

– Не знаю, – я пожала плечами. – Погода хорошая. Натура отличная. И образ в голове сформировался. Я так-то обычно людей не спрашиваю. Иду себе по улице, увижу что-то и сфотографирую, даже не всегда понимая, что именно. И только потом, когда обрабатываю, вдруг осознаю, как это всё должно выглядеть. Но если не хочешь, то не надо.

– Не готова я. Настроение не то. Мы же работать приехали, а тут разом такое.

– Я-то ведь работаю, – потрясла в ответ фотоаппаратом. – У меня мозги продолжают искать. Устала уже с этими домами. Людей хочется в объектив увидеть.

Не знаю, чем закончился бы наш разговор и к чему в итоге всё могло привести. К ссоре, к недопониманию или к каким-нибудь странным откровениям. А может, просто остались бы с улыбками на лице, но затаённой враждебностью. Не могу предсказать. Вот только появление нового персонажа перевело историю в иное русло.

За спиной Марины зашевелились ветки. Она взвизгнула, отскочила в сторону и замерла, готовая к побегу. Я же стояла с фотоаппаратом в руке и мучительно пыталась понять, что

лучше – бежать, рискуя споткнуться и сломать одну из камер или сразу обе? Или отбиваться? Но тогда чем – объективами или, опять же, одной из камер?

Из-за веток появился старичок в замызганном свитере и трусах. Седая борода и улыбка сумасшедшего.

– Сыми! – закричал он, делая шаг навстречу.

Глаза старика перескакивали то на меня, то на Марину. Взор блистал таким озорным безумием, которого я раньше вживую не видела.

Я сделала шаг назад, не выпуская незнакомца из виду. Марина подошла ближе и нащупала мою руку. Это, конечно, снизило пространство для манёвра и возможной драки, но страха поубавилось. Старик, если задуматься, не выглядел силачом. Ноги худые, костлявые. Под мешковатым свитером наверняка такое же тщедушное тело. Но куда лучше просто уйти и надеяться, что он нас не тронет.

– Сыми! – вновь крикнул старик, быстрым движением приподнял свитер и похлопал себя по грязному тощему животу. – Вона какой!

Мы с Мариной сделали два шага назад. Правда, она видела, куда наступает, а мне приходилось идти наугад и во всём полагаться на спутницу.

– Сымай! – в голосе прорезалась угроза.

Я уже подумала, что ничего страшного не случится, если я действительно сфотографирую его. Тем более что флешка переполнена, файл всё равно не сохранится...

Но если он попросит показать? Что тогда? Или одного фото окажется мало?

– Ну, сымай! А то я сыму!

Угроза не сразу дошла до меня. Только когда старик потянулся к резинке трусов, я поняла, что сейчас произойдёт. Тут больше никаких страхов не осталось. Одно лишь отворачивание. Развернувшись, я перехватила руку Марины, и мы бросились бежать. Ну а вслед летел противный тоненький хохоток безумного старикана.

* * *

– А может, и лучше, что эту рощу спилят, – сказала Марина, когда мы выбрались. – Всяких уродов меньше шлаться будет. Тут ведь люди заедут в конце года. Старики, женщины, дети. Пойдут гулять, а там такое... брррр!

Её передёрнуло, да и у меня на душе было так противно, будто наступила ногой в дерьмо.

– Пойдём работать, – сказала я. – Солнце уже нормальное, а он всё равно не выползет. Если придёт, то охраннику скажем.

Марина не отвечала. Смотрела на рощу с ненавистью и шевелила губами, словно разговаривая беззвучно. Пришлось вновь потянуть её за руку, но оттаяла она лишь через час, когда мы уже ехали назад, в офис.

Я думала тогда, что всё на этом закончилось, но через два дня история получила своё продолжение.

Образ из ниоткуда

Письмо от Марины я обнаружила на рабочем компьютере утром. Заголовок «не смешно» не предвещал ничего хорошего, так что я некоторое время размышляла – стоит открывать его сразу или же сначала выпить кофе. В итоге решила не томить себя.

Внутри письма обнаружилась картинка. Марина стоит, прислонившись к берёзке и смотрит вдаль. Почти Ассоль, ждущая своего Грэя.

Некоторое время я рассматривала письмо и гадала, почему это вообще должно быть смешно? Красивая фотография, пусть в ней кое-что смущало. Например, то, что не было ни одной тени от рядом стоящих деревьев.

А потом свалилось осознание – я ведь предлагала Марине так сфотографироваться. До того момента, как появился безумный старикан, мы как раз обсуждали образ древнерусской красавицы среди берёз. Она ещё как-то странно отреагировала на это предложение...

Но я не могла сделать такую фотографию!

– Так-так, – пробормотала я. – Так-так.

Нажала «ответить», но закрыла черновик письма, едва он только появился. Потянулась к телефону, но тут же отдернула руку. Встала и пошла искать Марину. В таких случаях лучше личной беседы ничего нет. Почта и телефон почему-то не приносят желаемого эффекта.

Я нашла Марину в кабинете. Спокойную и сосредоточенную, занятую делами и не обращающую ни на кого внимания. Даже при моём появлении взгляд лишь скользнул навстречу, а затем снова вернулся к монитору.

– Это не моих рук дело, – сказала я и подошла ближе. – Веришь?

– Трудно, знаешь ли, – Марина хмыкнула, не поворачиваясь от монитора. – Но это не важно. Меня, в принципе, не так уж парит, но я предпочитаю сама придумывать себе образы. В остальном – ну, пошутила, и ладно. В сеть-то зачем выкладывать?

– В какую сеть? – я оторопела. – Подожди, ты вообще где это взяла?

Марина ещё раз скользнула по мне взглядом и пожала плечами:

– Искала вчера вечером свободные фоны и вот наткнулась. В каком-то сообществе. Сейчас уже и не помню.

– Ладно, – сказала я. – Не важно. Или важно, но пока не очень. Вот смотри...

Я подхватила листок бумаги с её стола, убедилась, что он чистый, и начала рисовать. Схематичная опушка леса и две точки. Я их даже подписала: М и К.

– Мы стояли вот так. А если ты посмотришь на фотографию, то увидишь, что она сделана откуда-то отсюда. Я этого никак не могла, понимаешь? И это не считая того, что объективы на обеих камерах были закрыты, а флешки переполнены.

Марина некоторое время смотрела на мой рисунок. Потом повернулась к монитору и открыла фотографию. Ещё раз внимательно на неё посмотрела. Снова взглянула на схему.

– А ещё там нет теней, – сказала я. – Смахивает на очень и очень профессиональный фотошоп. Такое ощущение, что там был кто-то ещё, в этом лесу. Подслушал нас и решил сделать. Только не знаю, где он тебя сфотографировал.

Она по-прежнему молчала, но я видела – начало доходить. И отпустить. Вот плечи чуть расслабились. Разгладилась складка на лбу. Губы уже не кривились в усмешке.

– Если найдёшь сообщество, в котором ты это увидела, то можно попытаться выяснить, откуда там появилось фото.

– Не важно, – Марина вздохнула. – Слушай, не важно. Прости, что на тебя подумала, но ты же понимаешь...

– Конечно, понимаю! – подхватила я. – Я бы тоже подумала. Но это не я. Поверь, такими дурацкими шутками я не занимаюсь.

– Вот и славно, – Марина удалила письмо из отправленных, а затем уничтожила и файл. – Ты у себя тоже удали, пожалуйста.

– Обязательно. Только сначала ты меня напоишь кофе в расплату за необоснованные подозрения. А я тебя в компенсацию за моральный ущерб.

Марина улыбнулась. Такой мне она нравилась больше. Свободной и лёгкой, спокойно плывущей в водовороте событий мира. Мы пошли пить кофе, а после я удалила файл. Правда, сначала попробовала найти в сети по похожим картинкам, но ничего не обнаружила.

Ну и ладно. Марина же сказала, что это не важно. Наверняка какой-нибудь поклонник решил подшутить.

Жизнь в других

Глаза Рамона очаровывали ночной тишиной. Голос звучал колоколом тайного зова. Бесстрастное лицо казалось высеченным из камня.

Кристину влекло его красотой неудержимо и безвозвратно.

Она провожала его взглядом. Следовала за ним, благоговей даже от касания его тени. Одевалась в лучшие наряды и отказывала всем, кто желал быть с ней рядом.

Всё на алтарь поклонения любимому, хоть Рамон и сторонился людей, не касаясь их жестами, словами и взорами.

Спустя год Кристина решилась. В очередной раз, завидев его, не стала отступать в тень, а пошла следом. Догнала по дороге на высокий холм и дотронулась до плеча.

– Почему? – такой задала вопрос.

Сильны оказались боль в глазах и отчаяние в голосе, и Рамон впервые проявил нечто, подобное сочувствию. Желваки ходили на скулах. Рот его приоткрылся на секунду, показывая жемчужно-белые зубы, а затем вновь превратился в тонкую линию. Искали слова выход, но никак не могли найти.

– Я покажу там, – всё же сказал Рамон и продолжил взбираться на холм.

Они поднялись вместе, держась на почтительном расстоянии. На холме Рамон застыл почти у самого края – не обрыв, но споткнёшься и покатишься вниз навстречу судьбе. Затем прошёл к одиноко стоящему деревцу – невысокому, почти не превышающему рост человека. Усевшись в тени его, приказал:

– Не подходи ближе, не мешай голосом.

Кристина вскинула голову и кивнула. То, что происходило, предвещало тайну.

В вечерних сумерках появился свет, идущий из ниоткуда, но поглощающий собой весь мир. Плотная рубаша из тёмной ткани, которую Рамон раньше не снимал даже в самые жаркие часы сиесты, повисла на ветке дерева.

Гладкая смуглая кожа. Перекатывающиеся под ней мускулы. Запахи разгорячённого тела и пота, которые донёс до Кристины ветер.

Огромных трудов стоило остаться на месте.

– Смотри осторожно, не опали взор, – сказал Рамон, поворачиваясь спиной.

Предупреждение оказалось своевременным. Кристина зажмурилась от яркого света, а после, прикрыв лицо рукой, взглянула через щёлочку между пальцев...

Белоснежные волосы солнечного оттенка. Яркие карие глаза из-под полуопущенных ресниц. Гладкая, почти белоснежная кожа. И тело, сошедшее с картин лучших художников, о которых Кристина даже и не слышала никогда. Она знала лишь одно – с таким телом любая одежда будет казаться обёрткой, скрывающей праздничный подарок.

От такого великолепия не сразу стало понятно, что это татуировка. Мастерски нанесённая так, чтобы перекатывающиеся на спине мускулы придавали ей жизнь. Краски, подобранные с помощью волшебства, чтобы наполнить эту девушку всей яркостью мира.

Фантазия, которая не обязана быть реальностью.

Стоило подумать об этом, как тут же свет потускнел. Кристина отняла руку от лица и обнаружила, что Рамон уже надел рубашу и застёгивает пуговицы.

– Вот потому ничего и не выйдет, – сказал он. Голос звучал глухо и тихо, разбивая ещё не пришедшую в себя реальность. – Вот какова моя избранница. Она или некто ей близкий одарили меня этим рисунком. Я жду, когда она явится или призовет меня. Я бы отправился её искать, но чувствую, что она где-то рядом.

Одевшись, он ушёл, оставив Кристину на холме. Она некоторое время просидела на одном месте, а затем встала. Подойдя к обрыву, она долго смотрела на одинокую фигуру, бре-

душую к городу. Затем легла на живот, зарылась лицом в траву, в которой стоял Рамон, и долго вдыхала в себя пыльные травяные запахи.

Они ничего ей не рассказали. Только байки мёртвых, лежащих в той земле.

Подошла к дереву, коснулась ветки, на которой висела рубаха.

Та оказалась глуха к мольбам. Лишь призывала остаться здесь, на холме, и вместе тянуться к солнцу.

Но к другому тянулась Кристина. И спустилась она с холма, стараясь ступать след в след по примятой траве. Хотела почувствовать судьбу Рамона.

Чем дольше продолжался путь, тем легче было обнаружить, куда сделать следующий шаг. Тем проще оказалось понять, что же думает Рамон. Чем полны его мысли, что несут они за собой.

Кристина прошла весь Эль Пунто, не обращая внимания на взгляды встречавшихся по пути. Те только и могли дивиться, как походка юной красавицы приобрела суровость и импульсивность юноши.

А она всё шла знакомой теперь дорогой, пока не пришла к дому Рамона. Внутри проплыла невидимой тенью – ничего не задела и не потревожила, словно ходила здесь не одну сотню раз. Добралась и до спальни на втором этаже.

Мягкий свет шёл от кровати, но он тут же померк – Рамон перевернулся на спину и взглянул на Кристину.

– А если её пока нет? – сказала она, присаживаясь на кровать. – Если это то, что должно случиться? Посмотри же, у меня такие точно глаза, только чуть уже. У меня подобная форма носа. Даже скулы, если их чуть подвести, будут напоминать её. Ты сказал, что чувствуешь её рядом, так вот она – перед тобой. Заготовка, которую мастер должен довести до идеала. Так приступай же.

Рамон верил и не верил. Ему очень хотелось, но он боялся. Любовь и вожделение рвались наружу, а он сдерживал их, страшась обмануться. Пройдя по следу, Кристина обрела способность читать по каменному лицу Рамона, словно по раскрытой книге.

– Я попробую, – сказал он всё же и протянул руку, коснувшись щеки Кристины.

То прикосновение было их первой лаской. Почти поцелуем.

* * *

Дни и ночи Кристина вглядывалась в живущий на спине Рамона образ, словно в зеркало. Изучала до малейшей частички, пытаясь впитать в себя. Разговаривала с соперницей мысленно, задавая ей вопросы и вслушиваясь в поисках ответа.

И каждый день совершенствовала себя, пытаясь приблизиться к идеалу любимого.

Физические упражнения, чтобы подтянуть талию и бёдра. Карандаши и краски, чтобы повторить игру света и тени на лице незнакомки. Крема и масла из дальних стран, чтобы руки приобрели необходимую мягкость.

Но то была лишь самая лёгкая часть. В остальных случаях приходилось идти на жертвы.

Толстая леска сквозь кожу, чтобы стянуть лодыжки в нужных местах, – лишь мастерство швеи помогло скрыть шрамы. Кровь, что пролилась при этом, пошла на румяна для внутренней стороны бёдер.

Красочными солнечными днями Кристина поднималась на крышу дома и ловила лучи света в зеркала. Затем прятала их, напивавшиеся яркостью, под тёмным бархатом. Толкла в ступке, тщательно перемалывая зеркала и не оставляя ни одной грани, сквозь которую луч сможет вырваться наружу. После втирала в кожу, придавая ей необходимый неземной отблеск.

С волосами всё никак не получалось – идеальный платиновый оттенок не давался. А появившись, исчезал спустя пару дней. И чёрные отросшие корни всегда и везде напоминали, какова на самом деле её природа.

Но по ночам тихим шёпотом звучали голоса, что подсказали путь. Кристина ранним утром ушла за черту Эль Пунто и блуждала по пустыне, пока не повстречала отшельника. Рассказала ему о своей проблеме и долго ждала, пока тот соизволит ответить. Солнце совершило полный оборот, и упали сумерки, ударившись о землю и разлившись по округе чернильной тишиной. Растворившись в ней, отшельник сказал:

– Тьма – твоё место и время, хотя стремишься ты к свету. Что же отдашь взамен этого?

– Всё, что есть у меня и что не обещано Рамону, – ответила Кристина.

– Я возьму твою жизнь, – осклабился старик.

– Она обещана Рамону.

– Тогда я возьму жизнь нерождённую, – теперь усмешка стала ещё злей, словно к такому условию он и вёл.

– Забирай.

Кивнул отшельник. Никаких клятв и подписей ему не требовалось – способен был и силой забрать обещанное. Ушёл к себе в хижину и вернулся со свинцовым ларцом, запертым на ключ.

– Три дня проводи вдали от людей. Открой и носи на себе то, что внутри. Затем вырой яму и закопай ларец так, чтобы никто не нашёл. Для тебя – это выбор и награда. Для иного может оказаться неожиданной смертью.

Через три дня возвратилась Кристина к Рамону. Волосы – белоснежные, с солнечным оттенком. И лишь странный, почти невидимый шрам белел на груди, где носила она амулет, спрятанный в ларце.

Получив внешность богини, ещё больше времени стала проводить Кристина пред спиной Рамона. Ловила каждое движение мышц и оттенки поведения. Перенимала их одно за другим, заставляя себя повторять до тех пор, пока не исполняла в точности и совершенстве. В ту пору она видела незнакомку чаще, чем самого Рамона. Постепенно начало казаться Кристине, что именно её она любит всем сердцем.

Но вот настал тот момент, когда Кристина вошла в спальню к Рамону, и тот застыл, сидя в кресле. Он видел и не мог поверить своим глазам.

Та богиня, которой он поклонялся, стояла здесь во плоти перед ним. Нагая, но столь прекрасная, что не было никаких причин стыдиться той наготы. Белоснежные волосы, карие глаза и совершенная фигура.

Смотрела тем самым взглядом, что он видел в зеркальном отражении. Шла той походкой, которую он представлял. Улыбалась одними лишь уголками губ, а глаза блестели от счастья при взгляде на любимого.

– Ты здесь, – сказал Рамон и соскочил с кресла, и встал на колени.

– Да. Я пришла к тебе, – таков был ответ.

– Скажи мне, как ты шла сюда, – попросил Рамон. – Расскажи о своём дивном мире, из которого ты послала мне свой подарок. Нарисуй наше будущее взмахом руки, как ты нарисовала свой портрет на моей спине.

– Я... – голос богини задрожал, и очарование рассыпалось.

Кристина спрятала лицо в ладонях и содрогнулась от сдерживаемых рыданий. Не видела она Рамона, но догадывалась, что тот сейчас черней грозовой тучи. Стоит у окна, отвернувшись, и переживает внутри себя обман, который почти обернулся мечтой, но остался обманом.

– Ты не она, – сказал он.

То был приговор. В нём слышалась угроза наказания и немедленной расправы. Возможно, обещание смерти. Следовало бежать и спасаться, однако Кристина поступила иначе.

Она приблизилась к Рамону и впервые в жизни дотронулась до его спины.

– Войди в меня, – попросила Кристина. – Войди и забери это тело. Он любит тебя, а я люблю его. Так полюби его хоть каплей моей любви. Подари то счастье, что он заслужил. И дай мне хотя бы видеть.

Искра мелькнула, ослепив Кристину. А после она уже увидела спину Рамона – девственно чистую, без следа татуировки. И почувствовала – теперь хозяйка у её тела сменилась.

* * *

Той ночью богиня снизошла к Рамону и подарила тому счастье. А Кристине – зависть, торжество и горе.

Утром, лёжа в кровати и чувствуя, как её пальцы водят по лицу любимого, но не в силах заставить их изменить движение, она мысленно застонала. Та близость была не её близостью. Та любовь была не её любовью. То счастье оказалось чужим.

Ночь прошла, оставив после себя горечь и радость, а с новым днём пришли новые заботы – подготовка к свадьбе. Ни минуты не хотел ждать Рамон. Поймав счастье, не желал отпускать его.

Дни пролегли короткой тропинкой из кочек на болоте. Один, второй, третий, четвёртый, а на пятом случилась лёгкая заминка. Словно вдруг сбился глазомер и потерялась уверенность. И вот стоишь на краю кочки и размышляешь – так перепрыгнуть или же с разбега.

Рамон, до того дня ходивший с сияющей улыбкой, вдруг стал мрачен. Ночью он отказался ночевать с избранницей в одной комнате, сказавшись больным. Выглядел он и вправду бледнее обычного, так что Кристина поверила, хотя сердце сжималось в тоске. А та, которой она отдала своё тело, взглянула на Рамона долгим и пронзительным взглядом, так что он первый отвёл глаза.

Наступило утро. И едва солнце чуть поднялось над горизонтом, озарив комнату, как ворвался туда Рамон. Лицо кривилось в испуге... и потаённой страсти.

И вот тогда сердце Кристины сжалось по-настоящему. Вся боль, все испытания, что прошла она одно за другим, показались мелочью перед грядущим.

– Я любил тебя, – сказал Рамон. – И, быть может, ещё люблю. Но небо послало мне очередной знак, и я не в силах ему противиться. Не знаю, где мы допустили ошибку. Наверное, нам не стоило заниматься самообманом. Ведь ты – всё-таки не она. А это, согласись, главное.

Кристина, запертая внутри собственного тела, чувствовала стены клетки, сотканной из ужаса. Билась о прутья, в надежде выскользнуть, но не было ни одного шанса на успех. А та, что раньше жила на спине Рамона, лишь смотрела с печальной улыбкой и качала головой. И не было в том и тени горя. Одно сожаление, и ничего больше.

– Ну, давай, – сказала она. – Покажи мне тот знак. Я знаю, ты здесь за этим.

Рамон кивнул. Повернувшись спиной, он медленно скинул рубаху, и тотчас комнату заполнила тьма.

Чёрные, антрацитовые волосы с ярким отсветом падали на лоб, почти закрывая голубые, льдистые глаза. Чуть угловатая фигура, но изящная и грациозная. Смуглая кожа того оттенка, который принято называть «шоколадным», хотя ни один кондитер не добивался такого.

И угрюмое выражение лица той, что отвернулась слегка в сторону, лишь бы не смотреть на соперницу.

К чему соревноваться взглядами с проигравшей?

– Я любил тебя, – повторил Рамон, вновь надевая рубаху. – Но то уже в прошлом. Покинь мой дом спокойно и без истерик. Небо дало знак, и иного пути нет.

В тот момент Кристина ощутила наивысшую радость от того, что подарила своё тело белокурой незнакомке. Сама бы она не смогла достойно уйти с поднятой головой. С видом

победительницы, а не проигравшей. Она прошла через Эль Пунто и поднялась на холм, где когда-то давно Рамон рассказал ей о своём даре-проклятии. Опустилась возле дерева и принялась голыми руками рыть землю у корней. Грязь пачкала нежные белые руки, умощенные кремом. Забивалась под ногти и в поры кожи. Пахла сыростью и предательством.

Наконец ей удалось открыть ларец, подаренный отшельником. Открыв его, Кристина надела амулет в форме сердца – настоящего, человеческого, а не того, как его рисуют книги. Зелёный камень светился на шее, а Кристина стояла на обрыве, смотря на Эль Пунто.

Так простояла она день, и солнце осушило кожу. Так простояла ночь, и пролившийся дождь вымочил ее до нитки. На второй день налетевший ветер запачкал её пылью. На вторую же ночь у подножия холма показался Рамон. Пробыв там около получаса, он, покачивая головой, двинулся назад в город. Не сделал попыток подняться, переубедить, спасти или извиниться. Просто ушёл из её жизни. Теперь уже навсегда.

Амулет в форме сердца прожёл грудь. Опустив взгляд, Кристина увидела, что кровь стала чернильно-чёрной, а внутренности опалены огнём. И ничего более не было в душе – ни сожаления, ни страха, ни обиды.

За спиной слышались шаги, и Кристина повернулась. И те, кого она увидела, заставили с новой силой забиться пока ещё живое сердце.

Одна из пришедших была розовокожей блондинкой с карими глазами и лёгкой полуулыбкой. Вторая – голубоглазой брюнеткой, хищной и грациозной. Две судьбы Рамона, два его проклятия.

– Теперь я узнала, – сказала она. – Вы затуманили мне разум мерным повествованием, но я узнала. Вы выросли, но я всё равно теперь понимаю, кто вы.

– Ты мало что понимаешь, – сказала Мария. – Но уже больше, чем ранее.

– Зачем это всё происходит? – спросила Кристина.

– Ты нам скажешь, – Хуана послала ей воздушный поцелуй.

Он коснулся лица, принес с собой ощущение прохлады и вдохнул капелюк жизни. Протянув руку, Кристина сорвала амулет с цепочки и с силой вдавила его в грудь.

Одно сердце заменило другое. Сосуды срослись с ним, и новая кровь запульсировала внутри Кристины. Дыра в груди заросла, образовав запёкшуюся корку, что была прочнее стали. Карие глаза выпвели в серость, и словно иней сковал их.

Той ночью дом Рамона сгорел дотла, а сам он замер у окна, не помышляя выпрыгнуть. Кристина в тот момент стояла рядом с ним. Гладила его по чистой и гладкой спине. Каждым касанием она выводила на этом холсте собственный лик, навсегда клеймя Рамона.

«Ты сильная», – шептал ветер чьим-то далёким голосом.

«Ты всё ближе», – отвечал огонь на свой манер.

– Этого недостаточно. Ты не она, – отзывался Рамон.

Смысл из бессмысленного

Вечером того же дня я перечитала записанное. Хотела перепроверить себя, потому что наконец-то начала нащупывать какую-то логику. Разговор с девочками-девушками продолжался из сна в сон, хотя они мало чем походили друг на друга – что по сюжету, что по настроению. При этом прослеживалась определённая связь с происходящим в реальности. В первом сне – успеть на собеседование, во втором – тиран, в третьем – кто-то переделывает кого-то. Но это всё меня не смущало, а казалось естественным. Странными были только место действия и некоторые из героев.

Поиск смысла происходящего во сне не отпускал меня ещё несколько дней. Я размышляла над ним, обрабатывая фотографии, а потом вдруг обнаруживала, что вопреки логике и требованиям выкручиваю контраст и играю с цветами так, чтобы превратить солнечный дом в афишу к фильмам ужасов.

Внезапно вспоминала слова девочек-девушек в тот момент, когда готовила яичную лапшу, начинала проговаривать их внутри себя и приходила в сознание уже к тому времени, когда еда оказывалась безнадежно испорчена. Стоило мне достать любую книгу, как начинало казаться, будто написанные слова выделяются полужирным, складываясь в знакомую уже фразу: «Ты нам скажешь». В компании с Евгенией я просидела несколько часов неподвижно, погружённая в саму себя, так что мне просто посоветовали в другой раз остаться дома, чтобы не портить настроение окружающим.

Не злобно посоветовали, а очень даже вежливо и спокойно. Намекнули и тут же увеличи разговор в сторону. Я не обиделась, а просто кивнула – безусловно, то была правда, против которой, как известно, воевать трудно.

Но что было правдой в моих снах? Что из нашего диалога с девочками-девушками имело первостепенное значение? Я не знала и всё подбирала слова, которые мне требовалось сказать. Произошедшее во сне казалось мне важнее, чем окружавшее в реальности. Тем более что там ничего и не происходило особо. Фотографии я отдала Марине, перепроверив лишний раз, что туда не затесалось ещё что-нибудь странное, а больше работы не предвиделось.

Наступили дни, когда я не знала, чем себя занять. То сидела за компьютером, листая сайты и не вдумываясь в их содержимое. То ходила по офису и заглядывала к людям в кабинеты, просто чтобы поболтать. В какой-то момент это всем надоело, так что меня посадили делать стенд для охраны труда. Мероприятие, от которого веяло школьным временем стенгазет, агитплакатов, классных уголков и прочих попыток сделать мир лучше с помощью ватмана и красок.

Здесь, к счастью, рисовать ничего не понадобилось. Лишь пересортировать имеющиеся документы, отобрать устаревшие и расположить оставшиеся так, чтобы любой желающий мог подойти к стенду и ознакомиться.

На моей памяти никто этого не делал, так что я сомневалась в практической ценности своей работы. Скорее всего, действительно наказание за то, что хожу и всех отвлекаю. И даже фраза Ивана Александровича: «Летом опять инспектора попрут, как мухи» – не воодушевила и не убедила. Хотя и развеселила на какое-то время.

Мне нравилось представлять инспекторов по охране труда, слетающихся на стенд. Как они бродят по нему с невозмутимым видом, потирают лапки и водят хоботками по листам бумаги. Как они вычитывают правила оказания первой медицинской помощи и три основных закона безопасности для тех, кто работает в офисе.

Этот лист, к слову, мне отчего-то нравился. Он прятался в глубине документов и словно просился, чтобы с ним сделали что-нибудь эдакое. А мне до ужаса требовалось что-то такое, что избавит меня от поиска злосчастного смысла! От попытки разгадать ответ на вопрос

«Зачем всё это происходит?», который я сама же и задала во сне. В этом деле могла помочь только какая-нибудь другая идея, которая будет настолько сильной и захватывающей, что ни на что больше не останется сил.

Потому-то я сконцентрировалась на задуманной шалости, не оставляя себе путей к отступлению. Возилась со стендом до самого вечера. И тогда, убедившись, что идея не исчезла из головы, прибежала к себе за компьютер и быстро-быстро набрала:

«Я передвигаюсь по коридорам не бегом. Тот, кто бежит по коридорам, забыл правила по охране труда. Я хожу шагом.

Я принимаю пищу не на рабочем месте. Тот, кто ест за компьютером, забыл правила по охране труда. Я ем в специально отведённых местах.

Я работаю не на износ. Тот, кто не делает перерывов в работе, забыл правила по охране труда. Я встаю и разминаюсь».

Распечатала, сунула в стопку однотипных листов с инструкциями, регламентами и положениями и почувствовала – отпустило.

Бессмысленная на первый взгляд шутка выполнила роль громоотвода. Вся лишняя энергия, вся «заумь», всё ушло туда, оставив мне лишь спокойствие и тишину внутри.

Иллюзия в случайном

Мысли о снах – прочь-прочь-прочь. Размышления об ирреальности бытия – кыш-кыш-кыш. Жить на полную катушку – давай-давай-давай.

Больше недели я вела себя как человек-лозунг. Говорила рублеными фразами. Формулировала мысли чётко и последовательно. Всегда думала, прежде чем сделать, а уж тем более – сказать.

Жизнь вошла в стадию упорядоченного и размеренного бытия. В ней даже вновь появились списки дел и почасовое их планирование, чего со мной давно не случалось. Но дискомфорт я не чувствовала, а наоборот – воодушевление.

Ясность мысли, чистота взора, незамутнённая перспектива.

– Ты словно танк на пути к цели, – говорила Евгения, простившая меня за тот случай, когда я испортила всем вечер. – Ну ладно, может, и не танк, а такой маленький уверенный в себе «бэтээрчик». Прёшь и прёшь, не поворачивая башней в сторону.

Я улыбалась в ответ и пожимала плечами. Не понимала, что тут странного. Казалось невозможным вести себя иначе.

– Я тебя побаиваюсь, – как-то призналась Марина. – Не из-за той фотографии, я уже забила. Речь о другом. Вот ты вроде смеёшься, вся такая в настроении тип-топ, а как взглянешь, так словно из глаз кто-то другой проглядывает.

Что отвечать на такое? Только лишь поджимать губы и поднимать брови. Стараться вести себя ещё естественней, чтобы остальные ничего такого не замечали. Считаться милой и странной девушкой – это неплохо, но отношение резко меняется, если исчезает «милая».

И лишь Иван Александрович никак не реагировал. По-прежнему чуть улыбался, когда навещал меня на рабочем месте. Всё так же слегка проявлял интерес к тому, что я делаю. И каждый день выглядел так, будто не спит уже вторые сутки. Однажды я ради интереса задержалась на работе и прогулялась с ним до остановки, где он сел в автобус и даже вяло помахал мне рукой. Хотела убедиться, что он в принципе уходит с рабочего места.

Впрочем, не исключено, что он отправился на какую-нибудь ещё работу. Может, сторожем подрабатывает. А что? Говорят, сейчас всем тяжело. Генеральные директора не исключение.

Мне же автобус принёс самое неожиданное открытие этого месяца, а заодно продемонстрировал, что любому «бэтээрчику», каким бы целеустремлённым он ни был, стоит всё же крутить башней по сторонам. Так, хотя бы ради профилактики.

Я ехала на «пятёрке», которая идёт через весь город почти по прямой. Этаким наземный аналог метро, только с пробками. На каждой остановке множество людей входило и множество выходило. Приехавшие с перпендикулярной улицы отправлялись по прямой на какую-нибудь параллельную. Перемещались из квадрата в квадрат, не подозревая о существовании диагоналей.

Подобными математическими аналогиями я развлекала себя каждый раз, пока ехала этим маршрутом. Особенно в те моменты, когда вокруг не так уж много колоритных персонажей, которых можно рассмотреть и попытаться сфотографировать украдкой.

С утра, когда ещё темно, или же поздно вечером лучше всего следить за салоном через отражения в стекле. Я так и делала, когда перед глазами вдруг мелькнул знакомый пейзаж, в который вкралась некая деталь, заставившая меня дёрнуться. Моя соседка по сиденью – томная дама, чей приторно-сладкий запах парфюма уже драл мне носоглотку, – отодвинулась и посмотрела осуждающе, но я не обратила внимания. Вскочила с места, выпрыгнула на следующей остановке и побежала назад.

Спутавшиеся мысли. Круги перед глазами. Темень впереди.

Огромный рекламный щит стоял в том же месте, где я его заметила краем глаза. Фотографии дома, которые я делала. Текст, придуманный Мариной. И три золотых символа прямо над строящимся домом.

«Х&М».

– Почему это происходит? – спросила я себя.

«Ты нам скажешь», – отозвались в голове Хуана и Мария.

То был вечер субботы, и я понимала, что до понедельника не продержусь. Ответ требовался здесь и сейчас. Взглянула на часы – половина одиннадцатого. Не так уж и поздно, если задуматься. И я не сомневалась, что Иван Александрович не спит.

– Да? – ответил он почти сразу.

– Вы ведь звали меня работать в фирму ООО «СтройДом», правильно?

– Да.

– И я там и работаю?

– Ну, конечно. – Повисла пауза. – Что-то случилось, Кристина?

– Я увидела плакат. Рекламный. А там никаких ООО «СтройДом». Там почему-то Хэ энд Эм какой-то.

– Хосонов и Мирошниченко. – Показалось, что Иван Александрович вздохнул. – Это владельцы компании. Знак – это как бы бренд. Не разбираюсь, насколько удачный, но им нравится.

– Понятно, – сказала я, чувствуя дрожь в ногах и слабость в голосе. – Просто очень любопытно. Вы уж простите, что я так поздно звоню.

– Ничего страшного. Спокойного вечера, Кристина.

– Спокойного.

Ещё минут пять я стояла возле щита. Искала информацию в сети. И действительно нашла Хосонова и Мирошниченко. И их фирму «СтройДом». И странный бренд. И шутки о любви людей к славе.

Я пошла пешком, чтобы прийти в себя, однако попала только домой, а там меня не оказалось. Пара столов, стулья, кресло-мешок, шкафы и расправленная кровать. Мне всегда претит её заправлять. Кажется, что вот эта чуть скомканная простыня, отброшенное в сторону одеяло и помятая подушка создают домашний уют, которого не достигнут выправленные строго по линиям постельное бельё и покрывало.

Ах да. Ещё была стопка книг. Вытянув наугад одну из них, я обнаружила сборник Хименеса.

– Почему это происходит? – спросила я у него.

Всё-таки человек известный. Может быть, знает.

Открыла наугад и увидела лишь:

*Вифлеем нисходит
в любой закут невзрачный...
Цвета почти бесцветны
и как стекло прозрачны...*

Книга отправилась обратно в стопку. Я укуталась в одеяло и долго-долго не могла согреться и уснуть. Только ближе к утру удалось задремать, а там как-то незаметно жизнь покатила в сторону июня.

Без поворотов и кочек.

Июнь

Радость

Наличие постоянной, нормально оплачиваемой и не самой трудной работы меня расслабило. Я не цеплялась, как раньше, за каждый заказ и рекламой съёмок почти не занималась. Стала куда избирательней и спокойней. Понимала, что есть куда отступить – с голоду я не умру. А остальное как-нибудь приложится.

Оттого и заказы на лето у меня получились от людей, которые где-то когда-то что-то обо мне слышали. И при том исключительно свадьбы. Для ленивого фотографа – самое то.

Молодожёны отдельно, молодожёны с родственниками, немного церемонии, немного банкета и, пожалуй, хватит. Фотографии, на которых всем так хорошо, что завтра будет стыдно, делают на смартфоны. Качество не так важно, как сам факт воспоминания.

С этими свадьбами, которые отчего-то все выпали на июнь, имелась только одна неприятность – они все приходились на пятницы. Конечно, Иван Александрович обещал отпускать, когда потребуется, но пока я этим правом не пользовалась. Наверняка сейчас выяснится, что всё не так просто...

«На самый крайний случай – уволюсь», – подумала я. И сразу в голове забегали противные мысли о том, что обязательно нужно договориться хоть как-нибудь, а вот увольняться не следует ни в коем случае.

Расслабилась, говорю же. Когда появилось что терять, вся затряслась.

В воспитательных целях я заставила себя написать заявление на увольнение по собственному желанию. В качестве причины вывела: «Невозможность заниматься самовыражением». Затем тут же написала второе – «в связи с протестом против диктатуры капитализма». Третье начала со слов «велю уволить меня по собственному желанию» и не стала дописывать.

Самое главное уже случилось – страх оказался повержен смехом. А я чуточку сбросила бюрократическую и рабочую чешую, которой, как оказывается, успела обрасти.

* * *

Русые волосы Натальи Борисовны, в единственном числе заведовавшей кадрами, выбились из-под ободка и распушились, из-за чего она напоминала Медузу горгону. Впрочем, глаза за толстыми стёклами очков превращали древнее мифическое чудовище в усталую женщину, которой осточертели незваные герои, а они всё идут и идут с ней сразиться. Нет бы просто оставить в тишине и покое.

«И не мешать раскладывать пасьянс «Паук», – подумала я. Всё-таки люди, которые закрывают от других монитор, но оставляют позади себя зеркало, ещё не перевелись в этой жизни.

– Ей бы всё по уму сделать, – сказал Иван Александрович. – Я-то её как бы отпущу, но у вас же какие-то бумажки там.

– За свой счёт или так? – спросила Наталья Борисовна.

– За свой счёт, – ответила я, не желая лишних проблем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.